

АЛХИМИЯ ДУХА

КАРЛОС КАСТАНЕДА

КОД ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Яков Бен Бирсави

Яков Бен Бирсави
Кастанеда. Код
иной реальности
Серия «Алхимия духа»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7789242

Кастанеда. Код иной реальности: АСТ; М.; 2014

ISBN 978-5-17-086050-0

Аннотация

Автор этой книги – ученик Карлоса Кастанеды, который прямо и без прикрас повествует читателю о своем обучении у великого Мастера. Знания, полученные на семинарах и личных встречах с Карлосом Кастанедой, навсегда изменили жизнь Якова Бирсави. Проходя от опыта к опыту, от посвящения к посвящению, онзнакомился с Силой, управляющей миром. Читайте эту книгу – и становитесь человеком Знания!

Содержание

Предисловие редакции	6
Книга первая	9
С чего все началось	12
Несостоявшееся занятие	16
День первый. Видение Силы	22
День второй. Достижение алертности	42
День третий. Непредсказуемость	59
День четвертый. Присутствие смерти	76
День пятый. Открытие точки мира	96
День шестой. Извлечение событий	113
День седьмой. Страх – союзник	125
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Яков Бен Бирсави

Кастанеда. Код иной реальности

© Бирсави Я., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Весь мир находится в плену двух измерений – пространства и времени.

Третье измерение – сам человек. И это третье содержит такую глубину, которой не знают ни пространство, ни время. А главное – ни пространство, ни время не могут его заполнить.

Заполнить эту глубину может только Знание.

Из лекций Карлоса Кастанеды

Кто вы? – этот вопрос должен вас преследовать всю жизнь. И до тех пор, пока вы не будете знать на него точного ответа, вы останетесь человеком Знания. Не

заботьтесь о том, что вам рассказать о себе при встрече с незнакомым человеком. Или со знакомым. Пусть мир сам об этом позаботится. Не спорьте с ним. Но и не соглашайтесь.

Из лекций Карлоса Кастанеды

Предисловие редакции

Вниманию читателя предлагается сборник из трех первых книг Якова Бен Бирсави – одного из учеников и магов линии Карлоса Кастанеды. Правда, сам Яков всегда открещивался от этих имен, считая, что всякое имя есть крышка гроба, надежно фиксирующая личную историю.

Но мы неслучайно взяли на себя смелость так его называть.

И дело даже не в том, что из огромного множества авторов, называющих себя последователями Кастанеды, Бирсави ближе всех подошел к истинной сути учения нагвалей. В конце концов, Знание имеет разные степени посвящения. Понятно, что человек, не двинувшийся дальше порога, вряд ли сможет в точности описать то, что находится в конце Пути. Но выйти за порог – уже поступок. (Особенно для тех, кто никогда не покидал привычные стены.)

Дело в самом тексте.

Он обладает странной способностью влиять на каждого, кто так или иначе соприкасается с ним. С того самого дня, как первый фрагмент рукописи попал к нам в руки, мы становились неоднократно свидетелями удивительных, ничем не объяснимых вещей. И всякий раз это было связано с рукописью Якова Бен Бирсави.

Мы даже консультировались у отечественных специалистов, занимающихся профессиональным изучением индейского шаманизма и первобытной магии. Их вердикт был однозначен: в этих текстах содержится описание тайных ритуалов посвящения, о которых невозможно вычитать в книгах. О них может знать лишь тот, кто их прошел. Такой ритуал – всегда тайна, и если эту тайну поверяют бумаге, то объяснение этому может быть лишь одно. Это – следующая ступень инициации Мага. Ступень, которую проходят в присутствии большого количества непосвященных. Мы уверены, что для Бирсави не было другого выхода, как взять в свидетели несколько тысяч читателей.

Свидетель.

Это слово мы уже повторили несколько раз.

Оно кажется нам чрезвычайно важным. Ведь свидетель – не просто наблюдатель, следящий за «прозрачностью процедуры». Напротив, для свидетеля далеко не всегда все прозрачно. Вот почему показания свидетелей, наблюдавших за одним и тем же событием, как правило, разнятся. Иногда – весьма сильно. И это – показатель того, что свидетельства верны и событие действительно имело место.

Ибо когда свидетели утверждают одно и то же, это – сговор. А значит, ложь.

Именно поэтому книги Бен Бирсави вызвали такую неоднозначную реакцию. По-другому быть не могло.

Ведь СОБЫТИЕ имело место.
И каждый свидетель увидел свое.

Книга первая

Продвижение к Силе. Тайный семинар Карлоса Кастанеды

Причина, которая побудила меня написать эту книгу, заключается в том, что я хочу раз и навсегда откреститься от ярлыка последователя Карлоса Кастанеды. Я – не его последователь, и уж тем более, не его ученик. Я даже не занимаюсь распространением магических знаний, которыми владел его нагваль дон Хуан Матус: эта задача в полной мере выполнена самим доктором Кастанедой и другими учениками нагваля. Моя книга – всего лишь беглый рассказ о том, как я познакомился с индейскими представлениями о Силе и Знании. Я присутствовал на многих публичных выступлениях Карлоса Кастанеды, но именно тот, первый семинар живо врезался мне в память. Конечно, он не мог не запомниться: ведь имен-

но благодаря этому семинару я познакомился со своей будущей супругой. Но дело еще и в неординарной личности Кастанеды. Все, что он рассказывал, было не так впечатляюще, как то, как он это подавал. Он постоянно оgoroшивал нас. Мы не знали, чего от него ожидать в следующий момент, хотя большую часть времени он был спокоен, серьезен и доброжелателен. Он мог перейти от смеха к ярости, от гнева к слезам; он заставлял нас играть и верить в игру, чувствовать ее реальность. Для него самого было реально все, любая его выдумка, даже самая безумная. Десять дней семинара были для нас постоянной сменой миров и реальностей. Все, что происходило с нами в этот период – как в семинарской аудитории, так и за ее пределами – происходило под сильным влиянием личности доктора Кастанеды. Я пытался разгадать ее, вставить в какие-то удобопонятные рамки, дать четкое определение. То казалось, что Кастанеда дико заблуждается, то я был уверен в абсолютной истине его слов. Но и после всех прочитанных книг, посещенных семинаров и прослушанных лекций я сумел понять лишь одну-единственную вещь: заблуждение и истина существуют на разных краях одной дороги. Ведь, как сказал Августин Аврелий, «когда мы возвращаемся от заблуждений, мы, конечно, возвращаемся потому, что узнали их».

С чего все началось

На свой первый семинар к доктору Кастанеде я попал благодаря Теду Ловенталю. Я познакомился с ним осенью 1993 года. Тогда я жил в Нью-Хейвене, штат Коннектикут, учился в колледже Йельского университета и готовился получить степень бакалавра экономики. Вообще-то финансы – совсем не то, чему я бы хотел посвятить свою жизнь, но я знал, что у потомка еврейских эмигрантов в этом вопросе практически нет выбора. Мой дед, Абрахам Ван (Бен) Берсави, вместе с родителями бежал в Америку из Голландии в начале 1940-х; тогда ему было 16. Несмотря на то что дед явился в Новый свет в дырявых сапогах, впоследствии он весьма преуспел: стал банкиром. Мой отец всю жизнь занимался инвестициями, так что мое будущее было определено еще до рождения. Надо сказать, экономическая теория казалась мне скучнейшим из предметов (впрочем, и не мне одному), неудивительно, что моя успеваемость к концу обучения не дотягивала до хороших средних баллов. Чтобы как-то восполнить

этот пробел, на третьем курсе я поступил на факультет теологии. Это был самый непопулярный факультет, и, наверное, именно поэтому там было больше всего иностранцев. Там-то я и встретил Теда. Он приехал из Лондона. Обучение Ловенталю оплачивал какой-то фонд, а своих денег у него не водилось. Когда нас представили друг другу, он вцепился в меня, как клещ, имея в виду мое материальное состояние. Я действительно не был беден, однако в мои планы не входило ссужать деньгами кого бы то ни было. Тем не менее Теда я часто кормил обедами: он меня заинтересовал. Он готовился защитить диплом на тему «Цивилизованные формы шаманизма». Об этом Тед знал очень много: все четыре года он не вылезал из университетской библиотеки и, кроме того, каждое лето выезжал «в поле», чтобы увидеть и описать шаманские обряды. Когда он рассказал мне о своей работе, я немало удивился: разве шаманизм может быть цивилизованным?

– Религия, какой знали ее наши предки, умерла, – ответил мне Тед. – Люди возвращаются к язычеству, к системе договоров между ними и духами. Рассказать тебе, что такое цивилизованный шаманизм?

И я узнал, что одно из ярчайших проявлений шаманизма – игра на бирже (то есть именно то, чем я планировал заняться в будущем). Я посмотрел на свое дело глазами Теда, и с тех пор экономика мне перестала казаться скучной. А это, согласитесь, стоило обедов.

В конце июня Тед переехал ко мне на съемную квартиру: общежитие на лето закрывалось, а Тед не планировал ни возвращаться в Лондон на каникулы, ни ехать куда-либо для исследований. В университете ему предложили поработать в приемной комиссии.

Однажды он вернулся домой в загадочном настроении. Я спросил его, что это с ним такое, и в ответ услышал:

– Одолжи мне сотню.

– Сотню? – удивился я.

– Вообще-то, мне нужна тысяча долларов, – уточнил он. – Но для начала хватит и ста.

Обычно в таких ситуациях я отшучивался, но Тед меня заинтриговал: уж очень блестели его глаза. Я осведомился, зачем ему такие деньги, и он рассказал мне, что в университет приезжает сам Карлос Кастанеда, чтобы провести десятидневный семинар для студентов-антропологов.

– Первый взнос – сто долларов, – объяснил Тед. – Их нужно заплатить уже сейчас. Вообще-то это только для нашего факультета, но если хочешь, я запишу и тебя.

Тысяча долларов – это деньги, но я заинтересовался. К тому моменту я уже прочел несколько книг Кастанеды (их подсунул мне Тед). Они показались мне довольно занятными, хотя, в принципе, идеи дона Хуана, на которого ссылался автор, не были для меня нове. Быть может, Ловенталю и не удалось бы меня заманить, но дело в том, что мне хоте-

лось задать доктору Кастанеде один вопрос. Вопрос этот был действительно важен для понимания всего того, что Карлос описывал в своих книгах. Собственно, и сам метод изменения сознания, который предлагался там, зависел от ответа на этот вопрос.

Несостоявшееся занятие

Я заплатил в кассу университета две сотни (за себя и за Ловенталю), и получил взамен пару сиреневых бумажек, сложенных треугольниками. На бумажках не было ничего написано, но выдавшая их девица (я не знал ее) заявила, что в день первого занятия их нужно будет непременно иметь при себе.

Семинар начинался в понедельник в восемь утра. У входа в аудиторию стояли две незнакомые женщины. Они велели нам написать на сиреневых треугольничках свое имя и телефон. «Это вы отдадите при выходе», – сказали они.

Мы немного опоздали, и нам пришлось занимать задние скамейки: аудитория была полна. Однако семинар не начинался: Кастанеда еще не пришел. Я окинул взглядом собравшихся: человек тридцать, большинство девушки. Присутствующие были очень оживлены, шушукались между собой; глаза у всех горели. Общее возбуждение проносилось в воздухе быстрыми и плотными токами, так что было трудно дышать. Минут через двадцать накал ожидания достиг преде-

ла. Шушуканья переросли в говор, аудитория зашевелилась, кто-то поминутно вскакивал с места и снова садился. «Ну когда же начнется?». «А может, совсем не придет?». Через час энтузиазм пошел на убыль. Одни занялись своими делами, другие уже поговаривали о том, что нужно успеть в кассу до обеда, чтобы получить назад свою сотню. Впереди меня сидела девушка с моего потока, и я от нечего делать стал болтать с ней о последнем альбоме группы «Lynyrd Skynyrd».

Мы так увлеклись, что не сразу заметили, как все вокруг стихло. Я глянул вперед: на кафедре, прямо на столе сидел человек. Судя по его позе и скучающему выражению лица, он сидел там довольно давно. Более того: у меня было полное впечатление, что он находился там с того самого момента, как мы вошли в аудиторию. Но по каким-то причинам решил обнаружить свое присутствие только сейчас. Та же самая мысль, по-видимому, посетила и все тридцать голов, которые вылупились сейчас на него с недоумением. Это, безусловно, был доктор Кастанеда.

Смуглый, слегка обрюзгший, он был похож на старого волка, который, несмотря на то что уже не может так быстро гоняться за дичью, все еще держит в страхе всю стаю.

Когда всеобщая тишина и любопытство стали плотными настолько, что их можно было уже потрогать, Кастанеда легко соскочил с кафедры и подошел к парню, сидящему на первом ряду. Затем взял со стола две книги, покачал их в руках, как бы прикидывая на вес.

– «Сказки о силе», – звучно сказал Кастанеда и шлепнул первую книгу на стол. – «Второе кольцо силы». (Последовал второй шлепок.)

Затем он обвел глазами аудиторию.

– Пожалуйста, поднимите руки те, кто пришел сюда за Силой, – попросил он.

Это была именно просьба, а не приказ: нам дали понять, что у нас есть выбор. Я задумался, и не стал поднимать руку: по здравому размышлению, я не пришел сюда за силой. С десяток рук взметнулось вверх; Тед тоже поднял руку.

– Очень хорошо, – кивнул Кастанеда. – Благодарю за внимание, вы можете идти.

Мы непонимающе смотрели друг на друга... никто не решился выйти.

– Те, кто поднял руки, могут идти, – повторил Кастанеда. – Не задерживайте остальных, пожалуйста.

«Пришедшие за Силой» нерешительно стали подниматься со скамеек и, пожимая плечами, направились к выходу.

– А теперь будьте добры, поднимите руки те, кто НЕ пришел сюда за Силой, – сказал Кастанеда, сделав ударение на слове «не». И посмотрел на меня – поверх остальных, сидящих впереди.

Я поднял руку, не глядя, кто еще поднял руки.

– Вы тоже можете идти. Всего хорошего.

Вместе со мной вышло человек десять. Еще десять человек осталось в аудитории. За дверьми стояли те же незнако-

мые женщины; в руках у одной был ящичек с прорезью. Каждый выходящий должен был бросить свой сиреневый треугольник туда.

Тед ждал меня на улице. Я думал, он будет разочарован, но он еще больше светился и подпрыгивал.

– Что там? Что там? – коротко спрашивал он меня. – Кто остался, сколько? Вот везунчики; так, наверное, Карлос отбирает достойных.

– Да уж, – усмехнулся я. – А мы с тобой, значит, лицом не вышли. Однако две сотни пропали зря.

Тед остался в университете ждать окончания занятия в надежде разнюхать, о чем говорил доктор Кастанеда. Я же отправился за город, в гости к другу. Когда я вернулся, Ловенталь был уже дома. Не успел я войти, как он выплеснул на меня новость:

– Только представь себе, Джек: он два часа грузил им про феноменологию и восприятие, только и всего! Никто не хочет идти на семинар: платить за это занудство штуку баксов!

– Наверное, именно так Кастанеда и отбирает достойных, – пошутил я.

Но шутка моя неожиданно обернулась правдой. Поздно вечером мне позвонили из университета и сообщили, что следующее семинарское занятие состоится завтра в четыре часа пополудни. Спустя минут десять раздался еще один звонок: тот же голос попросил позвать Ловенталья.

– Ну и ну! – сказал он, положив трубку. – Ты представля-

ешь, завтра в восемь утра я должен быть на семинаре!

Как мы узнали позже, Кастанеда таким образом разделил группу на две части. Тем, кто совсем не поднимал рук и остался в аудитории, было предложено присоединиться к одной из двух групп по выбору; но из них пришли только двое, остальные, видимо, решили, что и в остальные дни будет так же скучно, как и на первом занятии.

Занимались мы в течение десяти дней без выходных. Это был, пожалуй, самый насыщенный из его семинаров (мне есть с чем сравнивать: после этого я занимался еще на трех семинарах у Кастанеды, и, кроме того, посещал группы тен-сегрити, которые вели его ученики).

Утром Кастанеда вел первую группу, вечером занимался с другой. Шестичасовое занятие выжимало из нас все соки. Тед приходил, когда я только начинал собираться к Кастанеде, и, не раздеваясь, валился на диван. Не в силах подняться, он порой лежал до самого моего прихода. Точно в таком же состоянии возвращался домой и я. Сам Кастанеда, похоже, совсем не знал усталости: к концу дня, после работы с обеими группами, он оставался бодр и весел. Кроме семинарских занятий, у нас была «домашняя практика»: доктор давал задания, с разбора которых начиналось занятие следующего дня. Мне было немного легче: я сразу ложился спать, и на завтра у меня было полдня, чтобы выполнить задание. Тед же часто не успевал (как, впрочем, многие в его группе).

Я знал, что доктор Кастанеда не разрешает использовать

на своих семинарах диктофоны или фотоаппараты. Поэтому я просто взял тетрадь и пару ручек. Так поступили многие, однако нам запретили записывать что-либо на занятиях.

– Знание должно отпечататься в вас, – объяснил Кастанеда. – Глубина отпечатка и есть мера магического дарования.

Я не претендовал на «магическое дарование», и поэтому утром следующего дня записывал свои впечатления от занятий. Думаю, что так делали и остальные: в конце концов, нам было запрещено делать записи непосредственно на семинаре. За пределами аудитории у нас в этом отношении была полная свобода.

В своем семинарском дневнике я записывал не только то, что рассказывал и задавал нам Кастанеда, но и свои личные наблюдения и размышления. По сути, моя книга – не что иное, как те самые записи, лишь слегка отредактированные. Редакция не коснулась сути: я только расшифровал сокращения и кое-что переставил местами. Кроме того, я незначительно изменил терминологию – для того, чтобы хотя бы немного отстроиться от понятий, которые ввел Кастанеда и которые теперь известны всем. Не подумайте, что они показались мне плохими или недостаточными: я просто хотел показать их новую сторону. Впрочем, понятия эти легко узнаваемы (например, вместо термина «точка сборки» я пишу «точка мира»; Кастанеда его тоже употреблял). Так же слова Кастанеды – не его прямая речь, а мой пересказ того, что он говорил. Где-то, думаю, я писал то, что услышал.

День первый. Видение Силы

– Я знаю, вас удивило мое вчерашнее поведение, – начал Кастанеда. – Однако это было необходимо. Люди, стремящиеся к магическому знанию, делятся на две категории: те, кто ищет в магии Силы, и те, кто ее не ищет. Брухо говорят, что первые идут путем собаки (или койота), ибо собака всегда ищет того, кто сильнее ее. Она может либо служить этой Силе – и тогда Сила за службу дает собаке свое покровительство и пищу. Либо, образно говоря, «подбирать крошки» – то есть служить не самой силе, а сильному магу; тогда часть его силы достается собаке.

Вторые – те, кому не нужна Сила – идут путем волка. Волк уже обладает Силой. Все, что ему нужно – научиться этой Силой владеть, что подразумевает, прежде всего, не расходовать ее понапрасну. Не надо думать, что путь Собаки хуже или унижительнее, чем путь Волка. В служении Силе есть свое достоинство. Многие брухо отдают предпочтение служению, считая его более высоким путем. К тому же, путь Собаки более безопасен.

Вы не пришли ко мне за Силой – значит, вы ею уже обладаете. У каждого из вас она проявляется по-разному. У кого-то – в виде таланта, у кого-то – в виде хорошего банковского счета. На самом деле это одна и та же Сила, и даже не в различных проявлениях, а в различных видениях.

Чтобы по-настоящему овладеть Силой, надо научиться видеть ее истинную суть. Перестройка видения – самое сложное в обретении Знания.

Вы (как, впрочем, и я) – дети европейского менталитета. Существующий мир имеет для вас жестко фиксированные формы. С момента – даже не рождения – с момента зачатия вас учили одному и тому же способу познания. Вы думаете, что небо – это небо, а земля – это земля, что дома имеют ту форму, которую им дал архитектор, а в музыке вы все слышите одну и ту же гармонию. Между тем как все окружающее вас на самом деле не имеет четкой формы. Все это – Сила. Она принимает тот образ, на который настроено сознание человека. Именно поэтому люди так неуклюже пользуются ею. Точнее, думают, что пользуются. На самом деле Сила пользуется ими. Люди в рабстве у Силы.

Человек знания не имеет четко фиксированного видения. Он видит Силу как она есть – без формы и без пространства. Тот, кто обладает этим видением, может совладать и с Силой, потому что в своем действительном виде Сила очень уязвима. Именно поэтому она всячески сопротивляется любым попыткам изменить видение.

Вопрос из зала:

– Вы хотите сказать, что Сила обладает сознанием?

Кастанеда:

– Безусловно. Однако это не то, что мы привыкли называть сознанием. Я думаю, Сила относится к человеку, как колонии тлей относятся к муравьям. Муравьи думают (конечно, если мы примем как условие то, что муравьи способны думать), что тли существуют, лишь для того, чтобы их доить. На самом же деле колониям тлей очень удобно существовать рядом с муравейниками, потому, что муравьи их кормят и охраняют. Впрочем, это неточная метафора, потому что и тли, и муравьи относятся к одной и той же природе. Сила же имеет совершенно другую природу, отличную от природы человека. Она обладает видением, потому что она способна наблюдать за людьми. В то же время, ее можно перехитрить, спрятаться от нее, или же направить в нужную вам сторону. Однако Сила никогда не пойдет туда, куда ей не нужно идти. Ею нельзя управлять по собственной воле. Владение Силой подобно владению ветром. Ветер может смолотить зерно на вашей мельнице, но если лопасти ветряка будут направлены не по ветру, ничего не получится. Ваша задача – научиться направлять лопасти ветряка. Но сначала вы должны увидеть Силу.

Силу нельзя увидеть глазами, вернее, одними глазами.

Глаза настроены воспринимать определенную форму и цвет; все, что не входит в эту настройку, невидимо. Вы уже столкнулись с этой особенностью глаз, когда не заметили меня на отборочном занятии. У меня не было той формы, которая ассоциировалась у вас со словосочетанием «доктор Кастанеда». Хотя я пришел раньше всех, и сидел на кафедре, наблюдая за вами. Так же и Сила: она постоянно наблюдает за вами, хотя вы ее не видите. Если бы вы владели искусством расфокусированного зрения, вы бы без труда заметили меня. Впрочем, любой человек видит иногда нечто непонятное ему: силуэт животного, человека или большую голову, или же какой-то предмет. Видит там, где – как он знает точно – ничего нет. Это бывает, когда мы непроизвольно расслабляем взгляд и уносимся мечтами куда-то далеко. Тогда в уголках глаза появляется видение Силы. Когда мы осознаем это, то оборачиваемся – но, естественно, не видим ничего. В таких случаях говорят: «показалось».

Глаза – ненадежный помощник. У человека знания видение не сосредоточено на одном органе зрения. Все его тело используется как один большой орган видения и чувствования. Можно видеть, к примеру, пальцами. Не так, однако, как видят слепые: они ощупывают форму, и сознание рисует им определенный образ. А в видении телом нет никакого образа. Чтобы вам было понятнее, представьте себе игру на пианино. Палец, нажимая «ми-бемоль», знает, что это «ми-бемоль» не только по расположению клавиши. Он слышит это

– но не так, как слышит ухо, а по-другому. Если бы, к примеру, при нажатии «ми-бемоль» прозвучало чистое «ми», палец бы «смутился» и независимо от нашего сознания стал бы искать правильный звук. (Мы ведь тоже смущаемся, когда нам случится принять за старого друга какого-то незнакомца.) При этом ухо запросто могло бы пропустить ошибку. У лучших музыкантов уши расположены на кончиках пальцев. Правда, происходит это бессознательно. А в магии важно осознание. При этом надо отключить все системы, которые привыкли анализировать происходящее. Лучший способ – сбить их с толку. В период моего ученичества дон Хуан только и делал, что сбивал с толку мои системы анализа. Но по-настоящему отключить их мне удалось только тогда, когда в мексиканской пустыне я принял сухую ветку за агонизирующее неведомое существо. У него была птичья голова и размеры тигра. Дон Хуан утверждал, что это и было неведомое существо, но мои системы анализа через некоторое время включились вновь и «показали» мне сухую ветку. Я был очень доволен своим «разоблачением», но дон Хуан объяснил мне: фокус в том и заключается, чтобы как можно дольше удерживать видение неведомого существа.

Вопрос из зала:

– Значит, нужно воображать, как дети?

Кастанеда:

– Нет. Не нужно воображать, как дети, то есть не нужно делать то, что, по мнению взрослых, делают дети, когда воображают палочку лошадкой. На самом деле дети очень часто обладают видением, именно поэтому игра для ребенка бывает порой серьезнее и важнее, чем так называемая реальная жизнь, в которую его изо всех сил пытаются затащить взрослые. Не нужно путать видение и плод воображения. Если человек видит воображаемое, это чаще всего повод обратиться к психиатру. Маг же видит то, чего не видят другие, но видимое им абсолютно реально.

Вопрос из зала:

– Но как отличить мага от душевнобольного? Если и тот, и другой видят то, чего не видят другие. Вероятно, они оба убеждены в реальности того, что видят?

Кастанеда:

– Их видение разной природы. Видение мага – это мистический опыт. Опыт душевнобольного – это опыт наркотического транса обезьяны. Иногда животное по чистой случайности съедает какое-либо наркотическое или ядовитое растение и «сходит с ума». Часто это приводит к гибели, но бывает и забавным. В магазинах, торгующих кормами для животных, продаются мячики, набитые травой непета. Их дают кошкам. Свойство этой травы таково, что кошка может видеть в мячике мышку или котенка, или что-то иное, то, что

с чем ей приятно играть и ласкаться. Но видение кошки – не истинное видение, потому что мячик, набитый травой – это не мышь и не котенок. Мы это знаем, но что до нашего знания кошке? Ей нравится катать этот мячик, кусать его, переносить с места на место, вылизывать или потрошить. Ее переживание – это физиологический акт, от которого изменяется состояние психики. Такого же рода переживания наблюдаются и у душевнобольных людей. Только эмоции, которые они при этом испытывают, часто далеки от наслаждения: это может быть страх или гнев.

Маги общаются с Силой. Эту Силу в разных традициях называют по-разному; духами, демонами или богами. Брухо называют ее просто Силой. Они входят во взаимодействие с ней с определенной целью. Маг всегда получает результат, этим и отличается видение мага от видения сумасшедшего.

Вопрос из зала:

– Но сумасшедшие тоже могут «получить результат». Например, картины, музыка, стихи, написанные в состоянии «видения». Многие душевнобольные утверждают, что общаются с существами не из этого мира, и даже получают от них послания. Не так ли и маги получают знание от Силы, с которой общаются?

Кастанеда:

– Послания, получаемые сумасшедшим, лишены практи-

ческого смысла, хотя внешне могут выглядеть художественно и даже поэтически. Видите ли, разница между магом и душевнобольным та же, что между мужчиной, который занимается любовью с женщиной, и онанистом. Результат один и тот же – извержение семени, но у второго нет реального партнера, он имитирует половой акт.

Знание, полученное магом, всегда имеет практическую цель, так же как занятие любовью всегда имеет целью зачатие ребенка. Знание сумасшедшего бессмысленно, как онанизм; поэтому и зовется бредом.

Вопрос из зала:

– А как быть с видением наркомана?

Кастанеда:

– Видение наркомана – это видение животного, съевшего наркотическое растение. Ничего более.

Вопрос из зала:

– Но и вы, и дон Хуан употребляли эти растения.

Кастанеда:

– Наркоман употребляет наркотик для того, чтобы получить кайф, а маг – для получения Знания. Этому предшествует долгий процесс. Маг входит в общение с Силой, заключающейся в этих растениях. Все наркотические растения

– это растения Силы, и маг это знает. Он соблюдает массу предосторожностей при сборе и заготовке растения. Любая ошибка может стоить ему жизни. Все съедобные растения тоже являются растениями Силы. Впрочем, я уже забегаю вперед.

Употребление наркотических растений всего лишь один из возможных путей получения Знания, но путей этих – бесчисленное множество. Дон Хуан давал мне пейотль для того, чтобы изменить мое видение. Но если бы я захотел сделать это самостоятельно, у меня ничего бы не вышло. Когда вы учитесь общаться с Силой – неважно, посредством ли растений или каким-то другим способом – вам нужен наставник, или проводник. Без него вы шею себе свернете.

Ваша первая задача – научиться видеть Силу. С видением связано несколько практик. Я дам вам две: практику зрительную и практику дыхательную. Хочу предупредить сразу: зрительная практика связана не с глазами, вернее, не только с глазами. Маг должен видеть всем телом, поэтому, прежде всего, мы будем развивать тело и работать с его энергиями. Вообще, наши занятия будут очень энергоемкими: я передаю вам Знание, которое впитывается в вашу энергетическую оболочку. Это я к тому, чтобы вы не удивлялись, почему от обычной (на первый взгляд) лекции вы так устаете. Здесь вы будете учиться, а дома вам надо будет все это тренировать. Кроме того, каждому из вас я буду задавать отдельное задание. Разбирать эти задания будем здесь, все вместе.

Времени у нас мало, поэтому многим вещам вам придется учиться на чужом опыте.

На этом «лекционная» часть занятия окончилась, и мы приступили к практическим упражнениям.

* * *

Доктор Кастанеда велел сдвинуть столы, чтобы освободить пространство для занятий.

Затем стал по очереди подходить к нам и вверх-вниз провел обеими руками позади спины. Когда он водил руками у меня за спиной, я почувствовал легкое покалывание.

– Ваши позвоночные столбы буквально забиты Силой, – сказал он. – Это часто происходит с людьми, идущими по пути Волка. Сила, которую не умеют правильно применять, концентрируется в каком-то одном отделе тела, чаще всего в позвоночнике или коленях. Ее надо высвободить, но очень осторожно.

Для начала нам было предложено заняться разминкой.

– Разминая тело определенным образом, вы приводите в движение энергию, которая поможет вам высвободить силу.

Каждому из участников Карлос давал свою собственную разминку. Я заметил, что девушки начинали разминаться с ног. Мне Кастанеда велел заняться вращением пальцев и ки-

стей. Он назвал это «раскручиванием энергии».

Упражнение на раскручивание энергии

Это упражнение делается стоя либо сидя на коленях. Руки согнуть в локтях и вытянуть перед собой. Ладони повернуть вниз. Отставить большой палец и вращать им движением от себя. Сначала вращают пальцем левой руки, затем – правой. Затем вращают одновременно и левой, и правой рукой.

Точно так же повторяется со всеми остальными пальцами. Трудность представляют срединные пальцы – средний и безымянный. Нужно добиться как можно большей амплитуды вращения, при этом остальные пальцы должны быть неподвижны. Однако напрягать их нельзя. Каждый палец нужно вращать до тех пор, пока не начнут хрустеть кости.

После вращения пальцами нужно расслабить ладони, свесить кисти и вращать ими движением от себя. Точно так же: сначала левой рукой, затем правой, затем обеими вместе. Вращать до появления характерного хруста.

Вообще, хруст в костях для Кастанеды

представлялся очень важным. Он говорил, что если при выполнении практик хрустят кости, это означает, что сила, сосредоточенная в костях, высвобождается и начинает заполнять все тело.

Затем надо вращать руками; вращение осуществляется в локтевом сгибе. Следующее упражнение – ухватиться пальцами за плечи и поворачивать руками в плечах.

После того как я закончил вращение пальцами и руками, Кастанеда велел мне проделать все то же самое, только в ногах. Невероятно сложно было научиться вращать пальцами ног по отдельности. Поначалу я мог вращать только большими пальцами, остальные у меня не двигались сами по себе, только вкуче. Такие же трудности испытывал каждый из нас. Кастанеда разрешил нам вращать пальцами ног, придерживая их руками. Для этого нам пришлось сесть на пол и подтянуть стопы к себе.

Таким же образом я вращал стопами, коленным суставом и всей ногой (вращение осуществлялось в области бедра). Я повторял эту разминку каждое утро. На раскручивание энергии у меня уходило обычно от 20 до 30 минут времени.

Подскоки (перебалтывание энергии)

Очень важно, чтобы энергия тела была однородна. Самое опасное, говорил Кастанеда, это уплотнение энергии,

когда она собирается «комками» в определенных местах, между тем как другие места остаются полностью пустыми, открытыми, незащищенными. Из-за этого возникает дисбаланс энергии, что может выражаться в виде недомогания. Чем больше уплотнения, тем серьезнее недомогание. Поэтому энергию нужно обязательно привести в однородное состояние. Для этого Кастанеда предложил такую практику, как «подскоки» или перебалтывание энергии.

Подскоки выполняются только на босых ногах, на ровном полу, лучше деревянном или каменном. Пластиковые покрытия Кастанеда считает вредными.

Само упражнение заключается в очень быстром переносе веса тела с одной точки стопы на другую. При этом нужно соблюдать определенный порядок. Сначала вес тела концентрируется на носках, потом – на пятках, затем переносится поочередно на внешние и внутренние стороны стопы. Точки равновесия надо менять очень быстро, чуть подскакивая. При этом нам приходилось расставлять руки, чтобы пользоваться ими как балансом.

Высвобождение силы

После разминки мы приступили к высвобождению силы. Для этого нужно было улечься на спину и полностью расслабиться. Расслабляться надо было со стоп. Для этого мы кон-

центрировали внимание на стопах, голених, икрах, коленях, бедрах, и далее, по всем частям тела. После этого надо было напрячь тело, причем напряжение шло в обратном порядке.

Затем Кастанеда велел нам прижать подбородок к груди, а ноги поджать под себя (в положении лежа на спине это выглядело как «на себя»). Ноги обхватить руками и в такой позе постараться максимально расслабиться. По сути, это была поза эмбриона, если бы его положили на спину.

В этой позе мы совершали легкие покачивания взад-вперед. Тем, у кого не получалось раскачиваться, помогал Кастанеда.

Такое «качание» на позвоночнике высвобождает Силу, говорил Кастанеда.

Поначалу эта практика проходит довольно болезненно: высвобождается Сила. Затем боли не чувствуется.

Дыхание телом

Последняя практика заключалась в том, чтобы научиться дышать телом.

– Люди дышат не только легкими, но и всей поверхностью тела, – говорил Кастанеда. – Это, конечно, не открытие магов, это известно давно. Разница только в том, что маг дышит осознанно. Осознанное дыхание телом напрямую связано с контролем и управлением Силой.

Мы снова легли на пол и стали расслаблять тело. Док-

тор Кастанеда сообщал нам порядок, в котором должны были расслабляться разные группы мышц. Надо сказать, что в привычной жизни у меня всегда были проблемы с расслаблением. Я спал очень тревожно, и часто просыпался от судорог в ноге или в руке. Я был очень напряжен, и мне никак не удавалось расслабиться. Я был убежден, что мне не удастся это и на занятии, но почему-то все части тела расслаблялись сразу же после того, как Кастанеда называл их. Не знаю, были это гипноз, или же просто правильная техника, тем не менее, тело мое было расслаблено до такой степени, что я не чувствовал его совсем.

Нам было велено сосредоточить внимание на поверхности стоп. Вскоре я почувствовал, что о мои стопы словно бьется какая-то волна. Сначала это было неявно, но затем ощущение стало четким. Вскоре я понял, что это не есть какая-то внешняя сила, это – дыхание. Словно угадав мои мысли, Кастанеда сказал, что точно так же дышит все тело. Но осознают это дыхание только маги. Осознавать, по слову Кастанеды, значило удерживать ощущение «волны» как можно дольше.

Затем мы учились чувствовать эту волну во всех частях тела, затем – на всей его поверхности. Я заметил: когда я наблюдаю за дыханием тела, мне почти не приходится дышать носом.

Позже, на одном из последующих занятий, я попробовал вообще перестать дышать при помощи легких. Волна не прекратилась, только усилилась. Я пролежал без дыхания довольно долгое время, пока Кастанеда не подошел ко мне и не попросил прекратить этот «эксперимент».

— Маг может оставаться без носового дыхания сколь угодно долго, — сказал он. — Но делается это в строго определенных случаях, например, когда его интересует вопрос, на который ответить может только смерть.

Мы спросили его, что он имеет в виду.

— Это древняя шаманская практика, — отозвался Кастанеда. — Встречается она не только у индейцев Мексики. Одним из известных ему способов (в том числе, и при помощи дыхания) он «умирает». При этом тело его внешне выглядит мертвым, а внутри — живет. Шаманы считают, что таким образом они подманивают смерть. Когда она приходит, ей задают вопрос. Но смерть не любит, когда ее обманывают. Подобная практика доступна только шаманам «с вершины дерева» — то есть шаманам высшего посвящения. Ученику такие вещи могут стоить жизни.

Согласно представлениям некоторых народов, души будущих шаманов вырастают на особом дереве. Когда душа «созревает», она вселяется в тело младенца. На нижних ветвях дерева вырастают души шаманов, которым не суждено достичь больших успехов в шаманском деле – это низшие шаманы. На средних ветвях растут души шаманов среднего умения. Но наивысшего мастерства в общении с духами и заклинании их могут достичь лишь те шаманы, чьи души вызрели на вершине дерева. Их так и называют «шаманами с вершины дерева».

Коричневый автомобиль

В конце занятия Кастанеда дал задание каждому из нас. Мое заключалось в том, чтобы ходить по улицам с расфокусированным взглядом. Такое же задание получили и все остальные, только кому-то нужно было практиковать расфокусированный взгляд дома, а кто-то должен был отправиться за город.

– Расфокусированным взглядом, – сказал Кастанеда, – вы можете увидеть Силу. Как только появится видение, поста-

райтесь удержать его как можно дольше.

– А если не появится? – спросила одна из девушек.

– Появится, – улыбнулся Кастанеда. – Я же веду вас.

* * *

Я вышел из дома за два часа до занятия. Я решил, что этого времени мне будет вполне достаточно. Для прогулки я выбрал самые тихие улочки в старом квартале. Там было очень мало людей и почти не было машин.

Сначала у меня ничего не получалось. Не потому что было трудно расфокусировать взгляд: это мне удавалось легко, стоило только снять очки.

Самым сложным было – сконцентрироваться на этой задаче, но вместе с тем оставаться расслабленным.

Мысли прыгали с предмета на предмет, и я то и дело забывал о том, для чего отправился на эту прогулку. Когда до лекции оставалось полчаса, я повернул обратно. Я досадовал на себя и на Кастанеду. Он ведь обещал нам видение Силы! И где оно? Быть может, я не так что-то делаю? Но он обещал, что мы увидим Силу... Я стал думать о Кастанеде, о его словах, что он ведет нас. Как ведет? Что это значит? Некое гипнотическое состояние, в котором нас должны посещать видения? Тогда какого черта я не могу удерживать в голове простую задачу?

По-моему, он просто нас дурит. Но что меня бесило, так

это уверенность в том, что никто не признается, что не видел Силу.

Наверняка будут выискивать «знамения» в самых ерундовых вещах: брошенном окурке, летевшей птице, сорванном цветке и тому подобной чуши. И Кастанеда с самым серьезным видом будет кивать и поддакивать (Еще бы! За деньги – почему нет?). А если я скажу, что не видел ни черта, то меня наверняка обсмеют и скажут, что я видел, но не придал значения. Чему: окурку, птице или цветку?

Нет уж, мистер Кастанеда! Если видение – то такое, чтобы с ног валило! Иначе я заберу свои деньги обратно. Да, именно так! И пусть попробуют меня остановить.

Я так сосредоточился на своей злости, что не сразу заметил несущийся на меня коричневый автомобиль. Это была спортивная машина с откинутым верхом. Я едва успел отскочить к стене дома – «родстер» цвета запекшейся крови стрелой промчался мимо меня. Странно, но при этом я не слышал никакого звука. Я посмотрел ему вслед, однако машины уже не было видно. «Кто это устраивает гонки в этой части города?» – ошарашенно подумал я.

Минутой позже, отдышавшись, я сообразил: переулок оканчивается тупиком, машина на такой скорости должна была неминуемо врезаться в стену! Я еще раз глянул в сторону, куда умчалось авто. Дом в конце переулка стоял, как обычно, никакого коричневого пятна там не было. Никуда свернуть «родстер» не мог... Я прошел весь переулок до кон-

ца, но так и не смог понять, куда делась коричневая машина.

День второй. Достижение алертности

Занятие второго дня началось с проверки задания. Мы делились впечатлениями о своих экспериментах с расфокусированным взглядом. Как я и подозревал, большинство рассказывали об окурках и цветках.

– Коричневый автомобиль... – задумчиво произнес Кастанеда, выслушав меня.

– Скорее, цвета красного дерева, – уточнил я.

Кастанеда попросил описать его подробнее.

– Кажется, это был «майбах», – вспоминал я, – ретро-автомобиль, довоенного выпуска. Но в идеальном состоянии. Я помню, как блестело на солнце его крыло.

– А кто сидел за рулем? – спросил Кастанеда.

Я не помнил. Вернее, я не помнил, сидел ли в автомобиле кто-нибудь вообще.

Кастанеда велел мне симитировать ту ситуацию. Я изображал, как иду по переулку, как замечаю тот коричневый «родстер», как отпрыгиваю в сторону. Я так живо представил себе тот автомобиль, что мне показалось, будто он дей-

ствительно промчался мимо прямо в аудитории и, войдя в стену, исчез из вида. За рулем никого не было.

– Автомобиль появился слева, – сказал Кастанеда, – и в нем никого не было. Это очень важный знак, но пока сложно сказать, хороший он или дурной. Слева от человека находится его смерть. И твоя Сила появилась тоже слева. Она приняла образ не человека, не животного, не птицы. Это не был вихрь, туман или дождь. Просто – автомобиль. Сила дает тебе понять, что она управляема. Но пока ею никто не управляет. Место водителя было свободно, и если ты не сядешь за руль, управлять этой Силой будет твоя смерть.

– Что это значит? – спросил я.

– Это значит, что тебе нужно либо научиться управлять Силой, либо не зевать при переходе улицы.

– А что было бы, если бы я не отскочил в сторону?

– То, что случается, когда человека сбивает машина, – сказал Кастанеда с самым серьезным видом.

– Но ведь автомобиль был воображаемым! – воскликнул я. – И здесь, в аудитории я видел его, вернее, вообразил настолько живо, что мне показалось, будто он на самом деле промчался мимо!

– Сила не бывает воображаемой. Сила всегда реальна.

Он велел мне идти завтра в тот переулок в такое же время дня. Я спросил его, что мне нужно будет там делать.

– Ничего. Если не можешь не делать ничего – практикуй расфокусированный взгляд. Этот переулок – твое место Си-

лы.

– А если снова появится коричневый «майбах»? – поинтересовался я.

– Не появится, – уверенно сказал Кастанеда. – Ты получил знак о природе твоей Силы. Вряд ли тебе нужен еще один.

* * *

После разбора экспериментов с расфокусированным зрением мы приступили к разминке. Мы сидели на полу и «раскручивали» энергию. Кастанеда ходил между нами и следил, чтобы каждый выполнял все движения в точности с его указаниями.

– Большую часть знания хранит ваше тело, – говорил он. – Тело учится гораздо быстрее, чем разум. Разум не может воспринять знание, пока в нем не будут сломаны те культурно-социальные установки, которые строились годами. Это долгий процесс, и большинство из вас никогда не сумеет полностью освободиться от социальных стереотипов. Только остановка мира может уничтожить все наслоения в сознании. Тело не нуждается в остановке мира. Оно живет инстинктами и поэтому воспринимает Силу напрямую. А сознание не может принять Силу из-за множества барьеров. Культура, мораль, религия, детские страхи, отношения в семье, социальное положение – все это барьеры, о которые разум спотыкается каждый раз, когда речь заходит о Силе.

Вот почему так важно развивать свое тело. Многие высшие маги полагаются только на тело. Средние и низшие маги получают Знание (а вместе с ним и Силу) только телом. Антропологи, так же как и религиоведы, спорят о причинах шаманского транса, посредством которого шаманы общаются с духами. Сравнить его с экстатическими состояниями религиозных мистиков не позволяет тот факт, что шаманский транс – это бессознательное состояние, между тем как религиозный экстаз всегда охватывает человека в ясном сознании. Все очень просто: транс – это восприятие Знания телом. Шаман знает, что есть вещи, которые нельзя охватить разумом. Но он знает также, что тело может воспринять то, к восприятию чего не способен разум. Поэтому он просто выключает сознание, а тело само делает то, что надо для получения Знания и Силы.

На моих семинарах я стараюсь обучить тело. Затем оно станет проводником для тех из вас, кто способен быть человеком знания.

Необходимое качество Волка

После разминки и дыхания телом Кастанеда дал нам немного отдохнуть, а затем сообщил, что на сегодняшнем занятии мы будем учиться алертности.

– Алертность – необходимое качество для Волка, – объяснял он. – Алертность – это постоянная готовность к дей-

ствию. В то же время alertность нельзя путать с напряженностью. Волк – природный охотник. Его тело напряжено только в моменты прыжка и приземления. Все остальное время оно расслаблено, однако готово к действию. Это и есть alertность. Волк эффективен, потому что alertен. Он никогда не расходует свою силу понапрасну и пользуется тем необходимым минимумом, который нужен для решения конкретной задачи.

Быть alertным – значит быть стратегом. Ваша Сила – это ваша армия. Вы должны выстроить ее на поле битвы таким образом, чтобы выиграть сражение с наименьшим количеством потерь. Для стратега не бывает мелочей. Он не упускает деталей. Он безупречен во всем. Именно поэтому он зачастую выигрывает битву, даже не начав ее. Но он всегда готов к битве. Это и есть alertность.

Единственный способ стать alertным заключается в развитии внимания. Мои наставники, дон Хуан и дон Хенаро, обладали абсолютным вниманием. От них не могло укрыться ничего. Они также умели сопоставлять вещи и события. Внимание и сопоставление – это alertность. Когда вы внимательны к вещам, вы видите, что все они связаны друг с другом. Наблюдая эти связи, вы учитесь сопоставлять. Когда вы сопоставляете, вы можете влиять на ход событий. Вы выигрываете битву.

**Большинство битв в вашей жизни проиграны
из-за невнимания к вещам и событиям.**

В жизни обычного среднего человека практически все битвы заканчиваются поражением. Но люди понимают это лишь тогда, когда множество мелких поражений складывается в один большой проигрыш. Трагедия старости заключается не в том, что человек уже не может делать то, что он делал в молодости. Трагедия старости – в упущенных возможностях, иначе говоря, в проигранных битвах. Вот почему у большинства стариков такой скверный нрав. Им действительно плохо. Это так тяжело – таскать на своих плечах груз поражений. Честно говоря, в самом поражении нет ничего дурного или обидного. Но люди не умеют проигрывать. Когда они видят, что им не победить, они всегда сдаются в плен. Они позволяют сопернику захватить себя. Каждый из нас в плену. Люди захвачены сигаретами, едой, алкоголем, привычкой долго спать... То, что люди называют пороком, или дурной привычкой, или даже болезнью, – не что иное, как плен. Хуже всего, когда человек сдается без битвы по собственной воле, охотно. Не так ли охотно мы начинаем ку-

рять, принимать алкоголь, обманывать себя и окружающих? Сдача в плен без битвы – это падение в грязь. Восстать из грязи невероятно трудно. Проблема в том, что люди не различают Силу. Сила может быть или противником, или союзником. Она либо с вами, либо против вас. Подросток, которому поднесли стакан виски, чтобы он «показал себя мужчиной», не осознает, что вовлечен в великую битву. Внутри он чувствует надлом, непонятную ему борьбу, но соблазн перевешивает. Он сдается – и Сила захватывает его. Отныне не он владеет Силой, а Сила владеет им. Алкоголь, сигареты, обжорство, гнев, злоба, нетерпимость, раздражительность, обман – это все проявления Силы-противника. Но она может быть и союзником, если вы не потакаете себе и проходите мимо всего этого.

Человек знания не потакает себе ни в чем. В то же время его нельзя назвать аскетом. Просто он все время в союзе с Силой. Аскет находится в конфронтации с Силой, и в этом тоже есть достоинство. Большинство же людей просто в плену. В плену нельзя быть счастливым.

И это все было бы не так трагично, если бы человеку не предстояла последняя битва. Та, в которой противником будет смерть.

Эта битва – единственная, которую не может выиграть человек. Но одно дело, когда со смертью бьется победитель, и совсем другое – когда против нее выступает неудачник.

Никто из нас не знает, какая именно битва станет его последней битвой на земле. Смерть предупреждает о своем приходе только избранных. Поэтому надо всегда сражаться так, будто вы бьетесь со смертью. Только в этом случае вы сможете победить. Победа – это Сила.

Близость смерти иногда заставляет людей являть чудеса смелости. Но это происходит лишь иногда. Люди невероятно толстокожи и беспечны. Они не осознают, что смерть всегда ходит рядом. Если бы они осознавали это, то были бы внимательны к любому пустяку.

Хотя на самом деле пустяков не существует. Весь мир – поле битвы, и все в нем играет решающую роль: ландшафт, окружающие люди, имеющиеся в распоряжении средства, погода, время суток. Человек знания каждый миг уделяет максимум внимания каждому из этих факторов и еще миллиону всяких мелких деталей. Вот почему он может провести любую битву так, словно это – его последняя битва на этой земле, битва со смертью.

На первый взгляд может показаться: чтобы добиться такого внимания, нужны большие силы. Однако это не так.

Напряженность сознания убивает всякую внимательность. Внимание – не функция разума. Это функция тела. Внимание тела – это и есть алертность.

Когда вы практиковали расфокусированный взгляд, вы тренировали ваши глаза быть внимательными. Расфокусированным взглядом можно подметить очень важные вещи. Например, присутствие союзника или врага. Или источник Силы. Точно так же можно тренировать слух или обоняние.

Человек знания всегда расслаблен, потому что он ничего не делает специально. Ему не надо напрягаться. Но он алертен, он всегда готов к действию – потому что работают все его информационные каналы: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание. Работают, а не спят. Когда эти каналы спят, сознание принуждает тело излишне напрягаться, и от этого вы быстро устаете, заболеваете и стареете. Неожиданный кризис – катастрофа или стресс – способствует резкому открытию каналов. Человек начинает ощущать мир во всей его полноте. Это придает колоссальные силы. В этом секрет героизма. Но герои часто гибнут, потому что у них нет привычки к вниманию и сопоставлению. Для них этот мир открылся в один миг, совершенно неожиданно. Это похоже на то, как нищий вдруг попал бы в хранилище национального банка. Человек знания никогда никуда не попадет «вдруг». Он прослеживает весь свой путь и всегда знает, куда этот путь ведет. Он видит связи мира и умеет сопоставлять. Если он оказывается в хранилище национального банка, значит он

целенаправленно шел туда, зная, зачем идет. Чтобы понять это, мне пришлось пройти через жестокий урок.

Урок дона Хуана

В период учения у дона Хуана у меня был соперник. Вернее, соперница – колдунья по имени Каталина. Дон Хуан намеренно столкнул нас и заставил эту женщину обозлиться на меня.

Я еще тогда не имел достаточно личной силы и не мог вступить с ней в схватку. Как-то в селении индейцев яки устраивался праздник. Я мог бы не ходить на него, но многие из селения знали меня, и я подумал, что им будет приятно, если я приду повеселиться вместе с ними. Честно говоря, мне не было особенно весело там, но дело не в этом. Мне незачем было ходить на этот праздник. Я шел просто убивать время – и это в тот самый момент, когда у меня появился сильнейший враг! Каталина напала на меня неожиданно, мне едва удалось избежать смерти. После того нападения я был полностью вымотан и восстанавливался довольно долгое время. Вот к чему приводит неумение сопоставлять.

Если бы я сопоставлял все свои действия с тем, что у меня есть враг, каждый мой шаг был бы стратегией. И я бы пошел на праздник в индейское селение только в том случае, если бы это совпадало с моей стратегией.

Когда-то я думал, что сопоставление, стратегия – слова из

области логики. Однако логики здесь нет. Ум должен отключиться от любых ментальных построений. Он должен раствориться во внешнем мире, либо (что гораздо сложнее) погрузиться в мир внутренний, в так называемое безмолвие. Для этого нужно прекратить внутреннюю болтовню.

Мы сидим в комнате, окна которой выходят во внутренний двор университета. В этот час во дворе никого не бывает, в комнате тишина. Но если бы вы обладали таким слухом, которым обладает человек знания, вы бы слышали, какой дикий шум стоит здесь. Этот шум – ваша внутренняя болтовня.

Техника избавления от ментальных построений

От нее нелегко избавиться, но есть одна простая техника, которая может помочь вам на этом пути. Я сам «изобрел» ее – не без подсказки дона Хуана. Когда я надоедал ему своей болтовней (как внутренней, так и внешней), он говорил мне: садись и пиши. Я писал в его присутствии часто по несколько часов, и при этом мой ум совершенно освобождался от болтовни, и я был способен воспринимать любое знание. В те моменты, когда я писал, дон Хуан находился рядом и будто бы ничего не делал. В действительности же он обучал мое тело. Я это понял гораздо позже, когда начал обнаруживать, что мое тело знает, как себя вести в ситуациях, в которые я не попадал никогда ранее.

Условие одно: писать нужно то, что приходит вам в голову сейчас, в этот момент. Вы просто садитесь и записываете все приходящие в голову мысли, какими бы бредовыми они ни казались. Оценивать их нельзя, а если оценка появилась, ее надо записать в виде слов. Но этим вы займетесь дома, а сейчас мы поучимся слушать внешний мир.

Слушание мира

Доктор Кастанеда велел нам улечься на полу и расслабить тело. Как и в прошлый раз, он называл группы мышц, мы направляли туда свое внимание, и мышцы расслаблялись.

– Сосредоточьтесь на звуках, – говорил Кастанеда. – Здесь очень тихо, но тишина полна звуков. Чтобы вам было легче, сконцентрируйтесь на первом же звуке, который вы услышите. Главное, чтобы он был постоянным. За этим звуком придут и другие.

Он умолк. Я стал вслушиваться в окружающее пространство. Ничего. Тишина, казалось, была абсолютной. Я не слышал даже биения собственного сердца. Я искал слухом хоть какой-нибудь звук, и это продолжалось довольно долго. Вдруг я понял, что такой звук есть, я слышу его, я все время его слышал. О стекло билась муха – совсем маленькая мушка, иначе она бы жужжала. Тем не менее я хорошо слышал, как бьется о стекло ее маленькое тельце. Я сосредоточился на этом звуке, и постепенно он стал усиливаться.

Вскоре он стал сильным настолько, что я понял: это не один звук, а сочетание нескольких звуков. Я стал их сортировать. Кроме биения мушки о стекло, я слышал дыхание лежащих рядом, стук их сердец, шуршание листвы за окнами. Но все же большинство звуков я не мог распознать, они были мне незнакомы. Я столкнулся с тем, что вынужден был давать им названия, задумываться, на что это может быть похоже.

Вскоре я заметил, что, когда задумываюсь, звуки исчезают, и мне приходится начинать сначала. Я сделал одно важное наблюдение. Моему сознанию не нравились незнакомые звуки. Вернее, ему не нравились звуки не сами по себе, а то, что они не подходят ни под одну категорию привычных звуков. Эти звуки составляли какой-то незнакомый мир, и этот мир пугал мое сознание. Поэтому оно их просто-напросто заглушало. Я стал еще напряженнее вслушиваться в пространство. Чем внимательнее я слушал, тем меньше мне хотелось заниматься сортировкой и распознаванием звуков. Собственно, у меня на это уже не хватало внимания. Я просто слушал. Вдруг меня охватило чувство, что каждый из этих звуков существует не сам по себе, а только в сочетании со всеми остальными. «Между ними есть связь», – мелькнула мысль.

* * *

Не знаю, сколько мы пролежали, вслушиваясь в мир. Ка-

станеда «разбудил» нас. Но и поднявшись, я все еще слышал тот оркестр звуков, который неслышно играл вокруг потрясающую симфонию неведомого мира.

Карлос попросил нас поделиться своими ощущениями. Первой должна была говорить девушка по имени Даниэль. Она подбирала слова с большим трудом. Сперва я подумал, что она просто заснула и теперь пытается выкрутиться из неловкого положения, что-нибудь сочинив на ходу. Но затем понял, что я сам вряд ли смогу рассказать о том, что слышал, потому что слышанное не укладывается в рамки привычного языка.

— Этому даже не дашь названия! — только и сказал я, когда очередь дошла до меня.

— Совершенно верно, — кивнул Кастанеда. — Я дал вам эту практику именно для того, чтобы вы почувствовали, как это: переживать то, что нельзя никак описать. Слушание мира — великолепная практика, она эффективнее даже, чем расфокусированный взгляд. Все же глаза воспринимают готовые формы, к которым они уже привыкли. Видение необычных вещей на фоне этих форм появляется именно потому, что фон слишком привычен. И это может напугать. Со звуками все гораздо легче. Сознание может смириться с тем фактом, что не все звуки вписываются в знакомые ему категории. Ему не слишком это приятно, однако это то, что оно может «проглотить». Сознание быстро оставляет попытки распознавания звуков и позволяет вам просто слушать. В

этот момент мир по-настоящему рождается для вас.

Домашнее задание: Мое место силы

На следующий день я пошел в переулок, где на меня чуть не налетел коричневый «родстер». Кастанеда велел мне явиться туда ровно в то же самое время. Но я вышел чуть пораньше: я помнил, что тогда до занятия оставалось не больше получаса, и решил, что если я явлюсь в переулок мину-та в минуту, у меня просто не будет времени почувствовать, что же такого особенного в этом месте и почему Кастанеда назвал его «местом Силы».

Я немного тревожился по тому поводу, что снова могу увидеть коричневый автомобиль. Хотя Кастанеда и говорил, что это больше не повторится, мне было страшно. Я впервые столкнулся с такими вещами, и от осознания того, что в мире действует какая-то реальная, но невидимая сила, мне было не по себе. Карлос сказал, что я должен просто пойти туда и ничего не делать, а если не получится «не делать» – попрактиковать расфокусированный взгляд. Но это было именно то, чего я не собирался делать ни в каком случае. А ну как снова явится тот коричневый ретромобиль? Лучше уж я просто прогуляюсь по переулку. Так я думал, пока не попал в то самое место, где мимо меня пронесся загадочный родстер. Я постоял несколько мгновений и вдруг почувствовал, что у меня нет никакого страха. Меня буквально обволокло

спокойствием. Я был уверен, что на этом месте со мной никогда ничего не случится. Что бы я ни делал.

Я настолько осмелел, что даже стал практиковать расфокусированный взгляд. Я вдруг захотел, чтобы опять на меня мчалась коричневая ретромашина с откидным верхом. Я стоял, ожидая ее, стоял в самом центре переулка. Я бросал вызов Силе. Но она не являлась. Я почувствовал прилив энергии. Мне показалось даже, что в переулке посветлело. Сначала я подумал, что это солнечные лучи отражаются в окнах верхнего этажа, а свет оттуда падает на улицу. Но ничего подобного не было. Тем не менее переулок действительно был полон светом. Я засмеялся: я ощущал себя хозяином здесь. Постояв еще немного, я отправился на занятие.

* * *

Когда я вошел в аудиторию, мне вдруг подумалось, что я мог бы купить квартиру в том переулке. Я сообщил об этом Кастанеде, когда настала моя очередь рассказывать о домашней практике.

– Это плохая идея, выкинь ее из головы! – резко произнес он. – Места Силы существуют не для того, чтобы в них жить. Никто не живет в колодце: оттуда берут воду! В это место ты будешь возвращаться, когда тебе понадобится помощь или защита. В этом месте ты отныне будешь пополнять запас Силы, истраченный в битвах. Но нельзя делать это слишком ча-

сто, иначе оно иссякнет. Пока ты учишься, можешь приходить туда раз в неделю – в тот самый день и час, когда ты встретил Силу в образе коричневого автомобиля. Гуляй там, наблюдай, впитывай, запоминай все до мелочей. Это пригодится тебе, когда ты будешь восстанавливать образ этого места во сне или наяву. Он должен впечататься в тебя – тогда это место будет всегда с тобой. Ты сможешь там спрятаться от врага. В месте Силы нельзя спрятаться лишь от смерти. Ведь именно там и будет происходить твоя последняя битва. Именно там – где бы ты ни был.

День третий. Непредсказуемость

Войдя в аудиторию, мы заметили, что в центре пола расстелен кусок синего полотна. Он занимал довольно большое пространство, так что нам пришлось в буквальном смысле «ходить по стеночке». Мы сгрудились у самой кафедры; там Кастанеда и расспрашивал нас о наших домашних практиках. После этого он вышел в центр, сдернул полотно с пола – и мы увидели, что пол в этом месте был замысловато расчерчен квадратами. Точнее, это была целая дорожка из квадратов, напоминающая вытянутый лабиринт. В центре «лабиринта» белел нарисованный круг, в котором было написано fire – «огонь». У меня возникло ощущение, что нечто подобное я уже видел.

– Это классики, – небрежно бросил Кастанеда. – Дети всего мира играют в эту игру, если, конечно, это нормальные дети.

И он засмеялся. Его смех был настолько заразителен, что все мы вдруг почувствовали себя так непринужденно, будто здесь – не семинар, а вечеринка. Не знаю, что на нас на-

шло, но мы словно перестали замечать доктора Кастанеду. Девушки стали вспоминать, как именно нужно играть в эту игру. Оказалось, что все знают разные варианты. Только я не мог ничего вспомнить, потому что в моем детстве этой игры почему-то не было. Тем не менее общее воодушевление передалось и мне. Я включился в разговор.

– Как, ты никогда не играл в классики? – спросила меня девушка по имени Люсия.

Меня стали учить. Насколько я понял, смысл заключался в том, чтобы в определенном порядке пройти все квадраты, дойти до центра и выйти обратно. Тот, кто, спутавшись, прыгал в центральный круг не в должном порядке, «сгорал» в «огне» и выходил из игры. Порядок прыжков был указан в квадратах цифрами. Они располагались так, что, действительно, было довольно сложно соблюсти правильный порядок. Мы увлеченно следили за очередным прыгающим, гадая, удастся ли ему допрыгать до «огня» и выйти из него целым и невредимым.

Про Кастанеду мы забыли. Да что там! Мы забыли и про самих себя, мы словно превратились в детей!

– Признаться, я удивлен таким пренебрежением, – раздался холодный, резкий голос доктора Кастанеды. – Я проводил семинары в Америке и Европе, но нигде мне не встречались такие невежественные слушатели. Вы перешли все границы! И это – студенты одного из лучших университетов! Дикари!

Его слова подействовали на нас, как ушат холодной воды.

Кастанеда отчитывал нас, как провинившихся школьников. Мы и чувствовали себя таковыми. Лицо мое горело, от стыда я хотел провалиться сквозь землю. Такого позора я не переживал с тех пор, когда отец застал меня подглядывающим за переодеванием девочек в балетной школе (мне было тогда 9 лет). Думаю, нечто подобное испытывал в тот миг каждый из нас.

Вдруг Кастанеда изменился в лице и громко захохотал.

– Попались, поверить не могу, попались! – громыхнул он сквозь смех. – Как я вас!.. Ха-ха... Ну надо же!

Мы растерялись. Мы не понимали ровным счетом ничего. Думаю, не одному мне на какой-то миг показалось, что доктор Кастанеда сошел с ума.

Внезапно он прекратил смеяться и предложил нам взять стулья и рассестись вокруг мелового лабиринта.

– Игра в классики имеет своей целью пройти через лабиринт и суметь из него вернуться, – спокойно сказал он. – В центре круг с надписью «огонь». Бывают и другие надписи, например «котел» или «яма». Все это символизирует смерть, могилу, адский огонь. Прыгая через классы к центру, вы символически спускались в Аид, прыгая обратно – возвращались на землю.

* * *

– Это инициационная игра, – продолжил Кастанеда, – я

думаю, в нее играли еще тогда, когда не были изобретены ни буквы, ни цифры. В процессе учения маг тоже должен пройти такое символическое умирание и воскрешение. В горах Мексики дон Хуан показывал мне место, где хоронят воинов, охотников за Силой. Их погребают под кучей веток, и они проводят там довольно долгое время. В них умирает обычный человек, а воскресает маг. Смерть одного статуса и рождение другого – в этом заключается смысл любого посвящения. Во время своего «умирания» маг не просто приобретает «статус» мага. Он учится. Он учится у Силы, которая его «забирает» на то время, пока он остается «мертвым». Эта Сила, разумеется, смерть. У смерти можно научиться многим замечательным качествам. Высшие маги учатся у смерти до самой смерти, простите за тавтологию. Мы же сегодня остановимся только на одном из этих качеств. А именно – на непредсказуемости.

Смерть всегда непредсказуема. Никто не знает, когда она придет. Она непредсказуема, а потому неуязвима.

Маг, человек знания, тоже должен быть непредсказуем. Он не может позволить себе быть предсказуемым, потому что вовлечен в вечную битву Силы. Если он будет предсказуем, Сила сметет его. Вы пришли сегодня на обычное семинарское занятие. Вряд ли вы ожидали, что вам придется играть в классики. Менее всего вы ожидали, что сможете поддаться легкомысленному настроению и забыть обо всем на свете. И уж чего вы не ожидали вовсе – что я начну вас распекаль. Я не должен был вам разжевывать это все так подробно, но у нас просто нет времени на то, чтобы каждый из вас доходил до таких вещей своим умом.

Сегодня вы на собственном опыте убедились, что простая смена настроения может привести в замешательство, а значит – сделать человека уязвимым. Простая манипуляция настроением – самое малое, на что способен маг. Те из вас, кому доведется хотя бы немного продвинуться по пути знания, еще не раз столкнутся с этим качеством магов. Хорошо, если вам посчастливится учиться на примере ваших союзников. Но если вас будут учить соперники, вам не выйти без серьезных ран из этой битвы.

В свое время дон Хуан сильно ругал меня за то, что я был слишком предска­зуем. Я завтракал, обедал и ужинал в одно и то же время. Если этот режим по каким-либо причинам нарушался, я чувствовал себя скверно. Дон Хуан объяснял мне, что предска­зуемость – свойство жертвы, но никак не охотника за Силой. Маг не может позволить себе быть предска­зуемым, иначе он станет жертвой.

Человек становится предска­зуемым, потому что его успо­каивает иллюзия стабильности.

Действительно: каждое утро восходит солнце, каждый вечер оно заходит, и наступает ночь. Но все не так просто. Каждый вечер мир погружается во тьму, он перестает суще­ствовать, он умирает! А с каждым рассветом – возрождается вновь, и это уже другой мир. Только глупец может сохра­нять иллюзию того, что каждый день видит один и тот же мир. В свое время, когда дон Хуан объяснял мне все эти ве­щи, я пытался возражать ему: мол, мир остается прежним, в этом можно убедиться, если ночью зажечь электричество. Но я был неправ.

Электрический свет может сохранить только очертания мира, но сам он сильно меняется под влиянием тьмы. В тем­ноте живет множество различных сущностей. Мне лично до­велось убедиться в том, насколько меняется мир, когда зем­

лю окутывает тьма. Дело не в том, что во тьме мы можем не замечать чего-то, что прекрасно видели при свете дня. Дело в том, что мир действительно становится иным. В нем появляются вещи, которые никогда не существовали ранее. Он перестает быть предсказуемым, и потому мир ночью опасен. В нем может выжить только тот, кто умеет быть непредсказуемым. Тогда его не поймать.

Глосс – договор об одинаковости

Чтобы быть непредсказуемым, надо уметь избавляться от глоссов.

Глосс – это своего рода договор об одинаковости. Мы все давно договорились воспринимать мир одинаково. Глосс – это система соглашений, которая облегчает понимание и экономит кучу времени, но делает нас предсказуемыми и управляемыми.

Управление группами людей, от школьников до населения целой страны, строится на предсказуемости. Мы живем в системах глоссинга. В Америке она одна, в Европе – несколько другая, но все же мы вкладываем в одно и то же понятие одно и то же значение. Когда мы говорим «дом», то имеем в виду некое здание, где есть стены и крыша над головой. Для мага, человека знания, домом может быть туман, или ночь, или набор непонятных никому другому фраз. Для него дом – это такое состояние сознания, в котором он чув-

чувствует себя хозяином, только и всего. Быть может, он чувствует себя дома, когда идет дождь. Для нас это неприемлемо, но именно это и нужно для того, чтобы быть непредсказуемым.

Непредсказуем – значит непобедим. Как можно напасть на дом человека, если его домом является дождь?

Мне пришлось учиться непредсказуемости годами. И все равно эта наука мною не постигнута до конца. Поэтому я лишь дам вам направление, я не могу обучить вас непредсказуемости.

Для начала вам нужно уяснить себе, что люди воспринимают все окружающее как систему образов. Есть образ леса, образ города, образ пустыни. Если я скажу вам, что самая большая пустыня – это Нью-Йорк, вы решите, что это всего лишь метафора. Но для человека знания это не метафора, а реальность.

Мы живем по шаблонам. Нам кажется, что это удобно, но на самом деле шаблоны ломают нас. Никто не испытывает

голода по утрам, но социальный шаблон заставляет нас есть, притом есть довольно плотно. Считается, что утром нужно съедать большую часть дневного рациона. В обед – вполовину меньше, а самую меньшую часть оставлять на ужин. Это какая-то извращенная логика. День – это поле битвы. Хороший воин никогда не станет наедаться перед битвой. Он может позволить себе более плотную пищу только после сражения. А мы делаем наоборот: наедаемся до начала сражения.

Сила, которую мы должны были оставить для важной битвы, уходит на то, чтобы переварить пищу. Человек знания ест лишь тогда, когда чувствует голод, и прекращает трапезу, как только почувствует сытость. Он не обжирается, не впихивает в себя еду насильно, как это делаем иногда мы, – «потому, что надо поесть» или «потому что вкусно». Для человека знания вообще нет понятия «вкусно». Для него есть только понятие Силы. Пища – это Сила. И он знает, что если возьмет Силы больше, чем ему нужно, эта Сила уйдет, захватив с собой и толику его личной силы.

Кажется, что это очень легко – питаться лишь тогда, когда появляется чувство голода. Но голод тела и голод ума – разные вещи. Тело испытывает голод не так часто, как ум. Ум – вот что соблазняет и губит тело. Сначала ум «поглощает» все эти прекрасные кушанья, которые выглядят очень аппетитно, так что тело вынуждено следовать за умом. Волки питаются раз в сутки, иногда – реже. Волк никогда не будет есть только потому, что есть еда. Вы идете путем Волка,

вы должны научиться есть только тогда, когда голодны.

Разрушить, а не изменить шаблон

Разрушение шаблонов ведет к непредсказуемости, но именно – разрушение. Часто под непредсказуемостью подразумевают простую смену шаблонов. Например, если профессор придет на лекцию не в пиджачной паре, а в джинсах и футболке с непристойной надписью на груди – это будет всего лишь смена шаблона. Если этот же человек станет менять шаблоны слишком часто, такая смена станет еще одним шаблоном. Фокус не в том, что вы внешне делаете не то, что от вас ожидают. Фокус в том, что вы все время делаете то, что вам надо, что вам действительно надо. Но люди в большинстве своем не знают своих истинных потребностей. О своих потребностях прекрасно осведомлен только младенец. Когда он голоден, он кричит, когда сыт – отрыгивает. По мере взросления человек впитывает в себя потребности, которые навязывает ему социум, и всю жизнь следует только им, а не тому, что ему действительно нужно.

В этом вас многому может научить ваша смерть. Осознавая ее постоянное присутствие, вы учитесь оценивать потребности с точки зрения истинности. Когда смерть стоит слева, у вас просто нет времени на удовлетворение прихотей. Человеку знания достаточно присутствия смерти, но почувствовать его дано не каждому. Сами того не замечая, лю-

ди прилагают массу усилий для того, чтобы почувствовать присутствие смерти. Подсознательно они знают, что смерть – единственный друг и помощник, единственный серьезный стимул, единственный стоящий повод для действия, для поступка. Отчаянное пьянство или наркомания – все это способы почувствовать смерть. С этим же связаны любые рискованные ситуации – восхождение в горы, плавание под водой, полет на дельтаплане, прыжки с парашютом. Долгие путешествия, открытие неведомых стран – всё это способы «умирания», всё это пути, которые, как мы надеемся, научат нас чему-то очень важному. Смена социальной деятельности или встреча с незнакомцем – это тоже встреча со смертью. Это всегда производит на нас весьма сильное впечатление. Каждое такое переживание возвращает нас к нашим истинным потребностям, но редко кто осознает подлинное значение таких переживаний. И все равно – даже будучи подсознательными, эти опыты играют порой решающую роль в нашей жизни.

Детская игра в непредсказуемость

Посмотрите на классики, на то, как расположены квадраты. Сложность этой игры заключается в том, как они пронумерованы. Цифры идут не подряд: вам все время нужно искать глазами номер следующего квадрата. Кто ошибается – попадает в огонь, умирает. Это игра в непредсказуемость.

Только будучи непредсказуемым, можно добраться до смерти и выйти от нее живым.

Никто не отдает себе отчета в том, насколько важна эта игра для человеческого сознания. Это неоднократное, очередное проигрывание ситуации умирания учит нас обращаться со смертью, учит быть внимательным, а значит – непредсказуемым.

Игра в классики и станет сегодня вашим практическим занятием. Можете считать ее инициацией, потому что мы сейчас будем играть в умирание.

Правила игры вы вспомнили еще в начале занятия. Я лишь сделаю от себя небольшое добавление. Тот, кто «сгорит», или «умрет», должен будет весь остаток занятия вести себя так, как, по его мнению, следует вести себя мертвецу. Я не дам вам никаких ориентиров: пусть сработают ваши собственные стереотипы. Просто постарайтесь войти в роль мертвеца как можно глубже.

* * *

Затем Кастанеда сказал, что можно начинать. То ли от волнения, то ли от сложности расположения классов, но добраться до центра в нужном порядке не удавалось никому. Настала моя очередь прыгать. До этого я внимательно следил за каждым проходящим лабиринт. Я видел, что ошибки их были примитивными и происходили в основном от отсут-

ствия внимания. Я сконцентрировался, впрыгнул в первый квадрат и почти сразу услышал оклик:

– Сгорел! Яков, сгорел!

Я посмотрел под ноги и увидел, что это действительно так: я стоял в квадрате с номером 11. Как я мог спутать его с единицей? Делать было нечего: теперь я должен был изображать мертвеца. Я посмотрел на тех, кто «умер» до меня. Им не пришло в голову ничего лучшего, как улечься на пол и притвориться мертвыми.

Я захотел соригинальничать и стал изображать из себя духа. Я сел в тень одного из студентов и начал двигаться вместе с тенью. Когда он поднялся для игры в классики, тень его сократилась, а я прыгнул в угол. Не знаю, как назвать это переживание, но, когда я сидел в тени, со мной что-то происходило. Причем я понял это только когда оказался в углу. Пока Кастанеда не велел нам «воскреснуть», я сидел в углу и дрожал. Дрожь эта не была наигранной, меня действительно трясло, как при лихорадке. Я дрожал от страха, потому что не знал, что произошло. Я ничего не делал, просто сидел и твердил про себя: «Я – дух, который живет в тени». Когда тот, в чьей тени я прятался, встал, мое тело само бросилось в угол.

* * *

Никто из слушателей не добрался до центра. Все «сгоре-

ли» по пути и теперь изображали, кто как мог, мертвецов. Большинство просто лежали на полу с закрытыми глазами. Однако по их позе угадывался характер «смерти»: кто-то, спеленатый саваном, лежал на спине, как и полагается покойнику, кто-то лежал ничком, раскинув в стороны руки, словно упал со скалы или с лошади; кто-то «умер» в жесточайших корчах, а кто-то был «погребен» ритуальным способом, в позе спящего младенца.

Но все это были «порядочные» «покойники», умершие, как полагается умирать человеку. Один я, ставший после «смерти» беспокойным духом, сидел в углу и благодаря этому мог наблюдать все, что происходило в комнате. Когда отпрыгали и «умерли» все, Кастанеда подошел к классам и стал прыгать сам. Я увидел, как серьезно и сосредоточенно он подошел к этой игре. Он ни разу не ошибся и дошел до центра целым и невредимым. Стоя в «огне», он велел нам «воскреснуть». Мы поднялись со своих мест и сели на стулья вокруг классиков. Кастанеда дождался, пока мы рассядемся, затем двинулся в обратном направлении. Он снова не ошибся ни разу. После того как он покинул последний квадрат, он велел одной из девушек взять губку и стереть классы. Затем он объявил, что занятие окончено.

Для меня это было полной неожиданностью: я полагал, что он должен объяснить нам этот опыт. Судя по реакции остальных, не я один испытал что-то странное во время этой игровой смерти. Мы набросились на него с вопросами, но он

жестом приказал нам молчать.

– Смерть – это личное дело каждого, – строго произнес он. – Смерть не обсуждают на людях. Ваше тело получило бесценный опыт, и когда-нибудь вы поймете смысл пережитого. Я в любом случае не сумею вам объяснить ничего внятного. Запомните только, что постоянное умирание и возвращение с того света – это и есть непредсказуемость. Всякий раз, когда ваш враг преследует вас, вы должны умереть для него. Умереть – значит стать невидимым, умереть – значит перестать интересоваться. И всякий раз, когда ваш враг уверится в том, что вы умерли, вы должны воскреснуть. И сделать это желательно под самым его носом, чтобы привести его в замешательство. В этом случае вы выиграете битву и заберете силу своего врага.

Домашнее задание: встреча с дверью

На этот раз нашим домашним заданием была практика непредсказуемости. Нам надо было разрешить привычную ситуацию непривычным способом.

Обычно, когда я возвращался домой, то сил у меня хватало лишь на то, чтобы перекусить чем-нибудь, ополоснуться в душе и лечь спать. Так было и в этот раз. Разогревая консервированные колбаски, я подумал, что вот это и есть предсказуемая ситуация: прихожу домой, достаю из холодильника банку, открываю ее... Как можно изменить этот шаблон?

Лишь только я подумал об изменении, как на меня навалилась дикая усталость. Она буквально подавила меня, я чувствовал, что валюсь с ног. Мною овладело настойчивое желание как можно быстрее добраться до постели. Но вдруг я осознал, что вот так-то никогда не было. За ужином я немного отдыхал и приходил в себя, затем шел в душ и только потом в постель.

«Значит, битва», – подумал я и решил бороться. Превозмогая сонливость, я открыл еще банку с перцем чили и банку бобов, смешал все это и поставил в микроволновку. Я знал, что острая пища не даст мне как следует выспаться. Я был прав: всю ночь меня мучила изжога, я то и дело просыпался и шел на кухню, чтобы выпить стакан воды. Когда я проснулся в третий раз, то поймал себя на том, что это уже тоже стало шаблоном, и подумал, что надо его сломать. Особых идей у меня не было, поэтому я решил просто не включать свет, а идти на кухню в темноте. Я жил в этой квартире уже три года и знал все ее закоулки, поэтому в таком «приключении» не было ничего заведомо опасного.

Я вспомнил слова Кастанеды о том, что мир ночью меняется до неузнаваемости, и усмехнулся. Чтобы попасть в кухню из моей комнаты, нужно было спуститься с лестницы и пройти небольшим коридорчиком. Я без труда миновал лестницу, вошел в коридор; вот уже блеснула невдалеке ручка холодильника: вероятно, на нее упал лунный луч. Я уверенно двинулся вперед, как вдруг налетел на дверь, да так,

что искры из глаз посыпались! Я был в буквальном смысле ошарашен: эта дверь выросла передо мной совершенно неожиданно! Мы почти никогда не закрываем ее, и я точно помнил, что в прошлый раз, когда я уходил с кухни, дверь была открыта! Конечно, ее мог закрыть Ловенталь, но он, насколько мне известно, никогда не спускается по ночам в кухню. Особенно странным было то, что я отчетливо видел металлическую ручку холодильника – как бы можно было разглядеть ее сквозь дверь?

Во всяком случае, к изжоге у меня прибавилась еще одна проблема. Лоб мой гудел: удар был довольно чувствительным. Я включил свет на кухне (желания продолжать эксперимент у меня не осталось), достал лед, приложил его ко лбу. Изжога как будто бы отступила. Спать больше не хотелось, и я решил заняться записями.

День четвертый. Присутствие смерти

Делиться впечатлениями о своих домашних опытах перед началом занятия у нас уже вошло в привычку. Увидев меня с шишкой на лбу, Кастанеда рассмеялся:

– Вижу, опыт непредсказуемости вам удался. Ну что ж, вам и первое слово.

Я ответил:

– Да, вполне.

И рассказал о своем ночном приключении.

Карлос выслушал меня очень внимательно, только снова рассмеялся, услышав о моем столкновении с дверью.

– А вы говорите – мир ночью остается прежним, – сказал он, отсмеявшись. – Вот вам и подтверждение!

И все засмеялись вслед за ним. У меня были смешанные чувства. С одной стороны, я чувствовал, как группа расположилась ко мне, но в то же время мне было немного обидно: лоб-то свой!

– Встреча с дверью – это тоже встреча со смертью, – далее Кастанеда продолжал совершенно серьезно. – Хотя опыт

Якова был довольно неуклюж, все же не будем считать, что он не удался.

Твоя главная ошибка, – сказал он, обращаясь ко мне, – заключалась в том, что ты ломал шаблоны во вред себе.

Человек знания никогда не будет ломать шаблоны, которые его защищают и поддерживают. Наевшись острой пищи, ты обеспечил себе беспокойную ночь. Это – напрасная трата Силы. Маг не может позволить себе растрачивать Силу понапрасну. Ломая шаблоны, он направляет Силу, находящуюся в пространстве, в нужную ему сторону. Ты мог бы решить эту задачу очень просто: не есть вообще. Тем более что тело тебе подсказывало этот путь: не зря же на тебя навалилась сонливость! Тебе надо было послушаться тела и ложиться спать натошак. Тем самым ты нарушил бы свой ежевечерний ритуал поедания какой-нибудь еды. И уничтожил бы шаблон, вместо того чтобы еще больше усложнять его. Тогда опыт непредсказуемости пошел бы тебе на пользу. Я не знаю, каково было бы твое переживание, поступи ты та-

ким образом, но, во всяком случае, твой лоб наверняка сейчас был бы чист.

Я был смущен и подавлен: ведь я действительно вел себя прошлой ночью, как полный идиот! Однако выслушав рассказы остальных слушателей, я успокоился: выяснилось, что все совершали столь же глупые поступки. Все пытались сломать шаблоны в ущерб себе.

Изучаем смерть

– Наша сегодняшняя тема – прямое продолжение вашего вчерашнего опыта, – говорил Кастанеда. – Мы продолжаем изучать смерть. Большинство из вас всерьез увлекается антропологией (иначе бы вы не оказались на этом факультете, не так ли?). Вы никогда не задумывались, почему практически во всех культурах вопросам смерти уделяется огромное внимание?

Не отвечайте, пожалуйста, шаблонно: ведь есть культуры, диаметрально противоположные друг другу; в том числе и те, в которых считают, что, умирая, человек исчезает насовсем. Кстати, брухо тоже в этом уверены. И, тем не менее, относятся к смерти более чем серьезно.

Все очень просто: смерть – это единственное истинное знание в мире. Никто из нас не знает о себе ничего, кроме того, что он рано или поздно умрет. Но это знание – Сила, великая Сила. И маг – тот, кто умеет пользоваться Силой этого знания.

Маги считают, что всякий раз, когда вы вспоминаете о том, что должны умереть, вы начинаете соответствовать сами себе. Вы обрываете свой истинный размер, свое истинное значение, свое истинное достоинство – вот почему так притягательны все вещи, связанные со смертью, пусть отрицательно, пугающе – но притягательны. Вчера я говорил вам о том, что каждый человек подсознательно стремится к тому, чтобы почувствовать присутствие смерти. Проникательным натурам для этого не требуется ничего сверхъестественного. **Чтение стихов или слушание музыки, наблюдение за природой, рассматривание какой-нибудь занятой безделушки или просто поездка в метро способны напрямую подвести их к чувству смерти.**

Самым толстокожим нужно для этого балансирование на грани, и никак иначе. Знайте: тот, кому по душе неоправдан-

ный риск, не может почувствовать присутствие смерти никаким другим образом, кроме как посмотреть ей прямо в глаза. Часто это кончается настоящей смертью. Смерть не спешит, но когда человек так настойчиво стремится к ней, она забирает его. Смерть милосердна, как бы дико это ни звучало.

Помните, мы говорили с вами о том, что для людей европейской ментальности существует одна и та же система понятий; в частности, мы рассмотрели такое понятие, как «дом». Так вот: есть шаманы – и в Мексике их довольно много, – для которых домом является смерть. Это необязательно шаманы высшего посвящения: я встречал довольно много низших шаманов, которые утверждали, что их настоящий дом находится в мирах смерти. Они посещали эти миры во время шаманского транса и описывали эти свои запредельные странствия самым подробным образом. Собственно, по способности тела проникать в эти миры и узнают настоящего шамана.

Для любого нормального человека смерть представляется чем-то неведомым и устрашающим; и только для шамана это знакомая реальность. Шаман знает, что мир смерти познаваем. Смерть для него является неизведанной только до первого транса. С каждым разом она обретает все более и более различные формы. В мире смерти появляется структура, так что шаман вскоре может составить свою собственную топографию смерти. Именно благодаря этой схеме он может выполнять те функции, из-за которых социум терпит

его присутствие. Когда шаман лечит больного, он отыскивает его душу в мире смерти. Если душа не успела спуститься слишком низко, шаман выводит ее из мира мертвых, совсем как в мифе об Орфее. Считается, что душа не покидает тело сразу, в один момент. Когда начинается болезнь, тогда начинается уход души в мир мертвых. Чем глубже спустилась душа, тем тяжелее болезнь.

Все эти хорошо известные, даже классические, вещи я рассказываю вам для того, чтобы вы поняли одну важную вещь.

Для мага смерть является незаменимым помощником и весьма сильным союзником. Но только для живого мага. Смерть значит много для живых; для мертвых она не значит ровным счетом ничего. Вот почему пережить смерть способен только живой человек.

В сущности, за свою жизнь человек переживает несколько смертей. Половое созревание и достижение брачного возраста – это смерть детства. Женитьба, рождение детей – смерть юности, точно так же как появление плода знаменует собой

смерть цветка. А получение диплома означает смерть студента, – Кастанеда окинул нас хитрым взглядом и подмигнул.

Мы засмеялись.

– Но все эти опыты смерти проходят мимо человека. Это свойство времени, оно текуче, а мы, живя во времени, тоже становимся текучими. Мы плавно перетекаем из одного состояния в другое, точно так же как день перетекает в вечер, а затем в ночь. Но день и ночь – абсолютно разные вещи, такие же разные, как живой человек и труп.

В обществах, где практикуются магия и шаманизм, опыты смерти не проходят незамеченными. Они непременно сопровождаются определенными ритуалами, так называемыми инициациями. Подростки – юноши и девушки – в обязательном порядке проходят инициационные обряды. Но только магические инициации напрямую связаны с опытом умирания, что отражено в названиях некоторых ритуалов, таких, например, как похороны воина. И это неслучайно. И дело не только в том, что после опыта умирания – инициации – человек приобретает свойства духа. (Вы имели возможность слегка прикоснуться к этому на вчерашнем занятии, когда изображали мертвых.) Магу известно: человек может открыться жизни только через правильное понимание смерти.

Жизнь становится жизнью – то есть самым главным сокровищем, которым обладает человек, – лишь тогда, когда

мы осознаем неизбежность смерти. На пути к осознанию вам поможет знакомое уже качество алертности, то есть внимательность и сопоставление.

Дело в том, что смерть постоянно присутствует в жизни. Я сейчас говорю не о том физическом присутствии смерти, которая стоит слева от вас. Это присутствие каждый видит или чувствует в соответствии со своим магическим дарованием, или проницательностью, что по сути то же самое.

Я говорю о тех фактах смертей, которые совершаются буквально у нас на глазах. Я имею в виду не собственно смерть знакомых и незнакомых нам людей (хотя и этого в нашей повседневной жизни более чем достаточно: стоит только открыть газеты или включить телевизор). Речь о незаметных, проходящих мимо мелких событиях, которые являются смертью.

Прощаясь друг с другом каждый раз в конце занятия, вы умираете друг для друга. Уйдя отсюда однажды, вы можете уже никогда сюда не вернуться. Засыпая, вы умираете, потому что никто не может дать вам гарантию, что вы доживете до утра. Вы идете по улице и видите, как падает с дерева лист: это – смерть листа и смерть дерева: лист умирает, но и дерево умирает вместе с ним; оно умирает для листа.

Мы все мертвы в том смысле, что умерли для тех людей, которые уже умерли и которые знали нас при жизни. С их смертью для них умер целый мир, и мы в том числе. Человек знания осознает это и умеет извлекать из этого потрясающе-

го факта колоссальные уроки. Тот, кто однажды осознал себя мертвым (будучи при этом живым), смог остановить мир. Он не просто получил Силу – он получил свободу.

Некоторые индейские племена верят в то, что, когда свершилась смерть самого первого человека, это изменило весь существующий тогда мир. По преданиям этих племен, именно тогда небо отделилось от земли и люди перестали общаться с богами. Именно первая смерть первого человека и породила магов, потому что только маги могут получить качество духа и в этом качестве общаться с небесами.

Брухо идут еще дальше: они считают, что смерть каждого человека полностью меняет существующий мир. Они видят это и удивляются, почему мы не можем осознать этого очевидного факта. Мир не статичен именно потому, что в нем каждую секунду случается чья-то смерть. Статичны в этом мире только мы: вот почему наше положение все время ощущается нами как шаткое. Никто не может спокойно почивать на лаврах, даже самые успешные и богатые люди чувствуют,

что что-то не так. Длительное благополучие и спокойствие кажется нам чем-то зловещим, и неслучайно: когда мы застреваем в какой-либо статике, мир проносится мимо нас.

Единственный способ удержать мир в нужных нам границах – это начать замечать его изменения. Когда вы видите эти изменения, вы можете создать свой собственный мир. Вы уже можете начать действовать: принимать решения и совершать поступки. Ведь мир и создается последовательностью решений, больших или малых. Впрочем, нельзя делить решения и поступки на большие и малые. Есть только то, что нужно сделать сейчас, когда смерть стоит слева. Нужно делать то, что вы бы сделали, если бы знали наверняка, что через минуту умрете.

Мне очень нравится одна притча про философа, играющего в мяч. Когда его спросили, что бы он стал делать, если бы знал, что через несколько минут ему нужно будет умереть, он ответил: «Я бы продолжал играть в мяч». Собственно, философом он стал именно в этот момент. А вот человеком знания, магом он был всегда.

Потому что маг всегда готов к смерти, и каждое его решение, каждое его действие – именно то, что он стал бы делать перед лицом смерти в данную конкретную минуту. По этой самой причине человек знания не мучается угрызениями совести. У него просто нет на это времени. Принимая решение, он знает, что ни в коем случае не должен жалеть о содеянном. Все его решения выверены, а потому безупречны. Маг не отменяет своих решений. Только смерть, настоящая, физическая смерть может помешать его планам. Впрочем, решение мага может отмениться другим решением, но это уже другой разговор. Решение, поступок – это сила. Содержание поступка не играет никакой роли. Именно поэтому люди знания часто представляются окружающим «с придурью». Маги порой ведут себя странно, это правда; но это мы не знаем, что они делают, – маги-то знают.

* * *

Добрую сотню лет ученые всех мастей – антропологи, этнографы, психиатры – пытались измерить эти «странности» на свой европейский аршин, который почему-то кажется нам единственно правильным, благородным и величественным. Мы всегда подходили к иным культурам с позиции высшей расы – пусть подспудно, но это всегда было так. Когда я, будучи уже в обучении у дона Хуана, думал, что всего лишь

занимаюсь полевым исследованием, я совершал ту же самую ошибку.

Я считал себя ученым, изучающим необычную водоросль, – ни больше ни меньше. Дон Хуан стащил меня с этого пьедестала, мне пришлось очень больно падать, очень больно. И все равно каждый раз я цеплялся за старые представления и пытался вновь и вновь залезть на свой пьедестал «белого человека». Пока, наконец, до меня не дошло, что существуют вещи, которые невозможно понять, исходя из линейной логики западного менталитета. Когда я осознал, что наша реальность – это небольшая часть того огромного спектра миров, каждый из которых представляет собой отдельную реальность, все изменилось.

Я говорю вам это для того, чтобы вы поняли: **любой обряд, любой ритуал, который на наш взгляд кажется всего лишь набором условностей, на самом деле отражает реальность, которая нам, с нашими европейскими мозгами, недоступна.** В качестве примера я приведу вам обряд посвящения юноши (я сам наблюдал его в одном из индейских селений). Когда мальчику исполняется тринадцать лет, шаман дает ему питье, от которого он теряет сознание. Подростка относят в горы и хоронят в «доме воинов». Очнувшись от забытья, мальчик не помнит свою прежнюю жизнь, он не помнит вообще ничего. Там его вновь обучают языку и посвящают в тайную мужскую традицию этого племени. Ему также дают новое имя. В селение этот юноша

возвращается другим человеком: он не узнает родных, друзей и вообще ведет себя, как чужеземец. Впрочем, и родные не узнают его: он для них – чужак. Если кто-нибудь скажет им, что это их сын, они сделают большие глаза и ответят, что их сын пошел в горы и умер там, а этого человека они не знают.

На взгляд европейца, поведение этих людей – не что иное, как игра, притворство: ребенок притворяется, будто он умер и воскрес другим человеком; его родные притворяются, что не знают его.

Но любая игра имеет начало и конец; этот же ритуал не заканчивается с возвращением юноши в деревню.

Реальность произошедшего подтверждается тем, что в этом индейском селении очень распространены близкородственные браки: брат может жениться на сестре или даже на матери: ведь он после возвращения из «дома воинов» уже абсолютно другой человек, не принадлежащий их роду. Такие обряды встречаются сейчас очень редко: цивилизованные «борцы за нравственность» практически уничтожили тех, кто мог совершать подобные ритуалы. При этом никто из них никогда не задумывался над тем, что разрушает целый мир, особую реальность.

Человек знания не станет ничего разрушать, пока сам не увидит ту, иную реальность. Ее нельзя увидеть с пьедестала, ее можно увидеть только изнутри. Мы хотим быть людьми знания; поэтому давайте сегодня постараемся понять одну из чужих странностей.

Опыт умирания

В качестве практических занятий я сегодня предложу вам одну практику, во многом подобную той, что вы делали вчера. Она тоже касается опыта умирания.

– Мы опять будем играть в классики? – спросила одна из девушек.

– Игры закончились. – В голосе доктора Кастанеды слышались патетические нотки. – Смерть будет настоящей. Это будет настоящая инициационная практика, которая многому научит ваше тело. А тело, в свою очередь, обучит дух – когда тот будет готов к восприятию знания.

И он объяснил нам, что мы должны будем провести полный погребальный обряд одного из индейских племен. Кастанеда подробно описал нам сценарий похорон; какое-то время ушло на то, чтобы каждый из нас запомнил свою роль.

«Мертвеца» мы выбирали по жребию; роль покойницы досталась одной из девушек, Консуэло. Шамана должен был

изображать я.

Помощницы доктора Кастанеды (это были те самые женщины, что встречали и провожали нас в первый день занятия, когда всех пришедших разделили на две группы) принесли два больших мешка, в которых оказалось все, что надо было для похорон. Там была индейская одежда для всех присутствующих, погребальный саван для покойницы, ритуальная одежда шамана, бубны, раковины, мелкие искристые камешки и ворох соломы, которая должна была служить нам в качестве могильной земли.

Мы нарядились в костюмы колумбийских индейцев; две девушки, изображавшие ближайших родственниц, стали с причитаниями обрядить покойницу. Все это смахивало на какой-то дешевый карнавал. Неестественность ситуации немного сместила меня, но мне было любопытно: чего можно добиться инсценировкой похорон? Неужели это действительно как-то подтолкнет нас к пониманию того, о чем говорил доктор Кастанеда? Наконец «покойница» была обряжена и оплакана, нужно было нести ее на «кладбище».

Здесь произошла заминка: по сценарию, нести ее должны были шестеро мужчин, а всего в группе было только трое парней (вместе со мной). Я играл шамана: мне не полагалось нести «труп». Инсценировка рассыпалась на глазах: мы начали отпускать шуточки по поводу того, что девушки должны превратиться в мужчин, и так далее.

Вдруг мы услышали всхлип, затем второй. Обернувшись,

мы увидели, что это был доктор Кастанеда. Он... плакал! Он не притворялся: слезы его были самыми настоящими! Мы испугались, что случилось что-то ужасное, и спросили его, в чем дело.

– Я подумал, – сдерживая рыдания, сказал он, – я подумал: что, если она действительно умерла?

То, как он произнес это, повергло нас в шок. Каждый из нас внезапно ощутил, что эта игра могла быть правдой, и тогда нам было бы не до шуток. Что, если бы в небольшом селении, совсем крохотной индейской деревне, где только двое мужчин и один шаман, умерла бы девушка? Я понял, что я здесь – главный: шаман распоряжается всем. Я показал на самых крепких девушек и сказал им, чтобы они взяли покойницу на свои плечи. Они послушались меня беспрекословно.

«Умершую» пронесли по аудитории и опустили в центре помещения. Место погребения, согласно ритуалу, определяет шаман; я расфокусировал взгляд и увидел, что «хоронить» ее в центре никак нельзя. Я велел нести ее в левый угол.

Краем глаза я увидел, что Кастанеда кивнул: место было выбрано правильно. Его помощницы снесли туда же и ворох соломы.

Девушку положили рядом с указанным местом, и я начал совершать ритуал. Одна из помощниц доктора стала отбивать ритм на бубне в такт моим движениям.

Когда все ритуальные жесты были исполнены, я запел древнюю молитву:

*Я открываю подземный мир,
Я открываю чрево земли,
Я открываю для тебя дом смерти.
Этот дом закрыт для живых,
Но для тебя я открываю его.
Ибо ты уже не принадлежишь миру живых,
Ты ушла в мир мертвых
И должна находиться там.*

На место «дома смерти» по моему указанию накидали ракушек и камушков и покрыли это соломой. Я должен был положить на солому тело умершей. Согласно ритуалу, шаман должен пытаться несколько раз поднять тело, притворяясь, что оно слишком тяжелое для него.

Консуэло была миниатюрной, и я не сомневался, что мне придется именно притворяться. Однако когда я попытался поднять ее, она показалась мне такой тяжелой, будто тело ее было каменным. Я очень удивился и испугался.

Я стал делать попытку за попыткой – но мне *действительно* никак не удавалось поднять ее. Я так сосредоточился на этой задаче, что в какой-то миг ситуация для меня полностью изменилась: я осознал, что это – настоящая смерть, настоящие похороны. Осознал я это не умом, а телом, потому что мое *живое* тело не могло поднять другое, *мертвое* тело. Наконец мне это удалось (с превеликим трудом). Обливаясь потом, я бережно положил Консуэло на ложе из соломы и

сказал, что «дом смерти» можно закрывать. Мы стали забрасывать девушку ворохами соломы и набросали целый холм. После этого под звуки бубна мы совершили последние ритуальные движения и возвратились к себе в «деревню».

Настроение у нас было подавленное, словно мы и в самом деле похоронили нашу близкую подругу. Особенно несладко было мне: я помнил, как тяжело мне было поднимать Консуэло: это действительно было нечто большее, чем игра.

Некоторое время мы провели в молчании. Затем Кастанеда подошел ко мне и сказал, что я, как шаман, должен «открыть» «дом смерти» и воскресить Консуэло.

– Ты – шаман, а значит, единственный, кто способен вывести душу из преисподней, – строго сказал он.

Я не знал, как это делается. Я просто подошел к соломенному холму и сказал, что открываю дом смерти, чтобы воскресить умершую. После этого я разбросал солому и помог Консуэло подняться. Несмотря на то, что наша игра закончилась вполне благополучно и умершая не умерла до конца, мы все никак не могли оправиться от этого тяжелого опыта.

Кастанеда велел нам снять индейские одеяния, собрать солому и ракушки. Когда все было убрано, мы расселись по своим местам.

– Вам удалось ощутить присутствие смерти? – спросил доктор.

Все мы были единомышленны: нам более чем удалось это почувствовать.

– Вы так подавлены не потому, что увидели смерть (а вы действительно видели ее), – продолжал Кастанеда. – Вас гнетет не ощущение смерти, вас угнетает ваша социализация. Подобный опыт магу дает мощный толчок, он наполняет его Силой. Вы же обессилены, вам тяжело. Почему? Чтобы понять это, я вновь предлагаю вам мысленно вернуться в детство. Думаю, среди вас есть те, кому нравилось в детстве пощекотать нервы, «играя со смертью».

Игра со смертью

В определенном возрасте дети начинают видеть присутствие смерти. Смерть, по их мнению, прячется в «страшных местах» – подвальных помещениях, дальних уголках старинных шкафов, в дуплах деревьев, в зарослях дикого сада, куда никогда не заглядывает солнце. Дети обнаруживают эти места совершенно случайно и тут же начинают «фантазировать», что там. Фантазии эти почти всегда отражают подлинный мир смерти. Дети действительно видят смерть, они тонко чувствуют ее присутствие. Но у них смерть еще не вызывает негативных ассоциаций.

Дети часто устраивают похороны насекомых или домашних животных. Они хоронят их в полном соответствии с взрослым ритуалом. Иногда они, как только что делали вы, «хоронят» друг друга. Но, в отличие от вас, это занятие не повергает их в уныние. Напротив: после столкновения со

смертью – реального или игрового (которое не так уж и отличается от реального) – дети еще больше осознают ценность жизни. В этом детский опыт игрового переживания смерти ничем не отличается от опыта мага.

У магов тоже есть игра: если бросить очень быстрый и короткий взгляд влево, можно увидеть свою смерть, можно заглянуть ей в глаза. Дон Хуан долго уговаривал меня сделать такую штуку, но, честно говоря, я так и не решился. Однако брехо утверждают, что это потрясающий опыт. Думаю, что для человека знания после этого жизнь действительно обретает совершенно другой смысл. Я не сделал этого, потому что знал: это ввергнет меня в жесточайшую депрессию. Все-таки я, так же как и вы, продукт цивилизации и социализации.

Ваш дух подавлен. Но ваше тело научилось сегодня многому. В частности, оно сделало великое открытие: что **смерть – реальная или мнимая – может действительно изменить мир.**

День пятый. Открытие точки мира

Вместо задания на дом доктор Кастанеда попросил нас хорошенько выспаться и, по возможности, не покидать постель в течение ночи.

– Если же это произойдет, то, пожалуйста, вспомните о том, что сон – это тоже смерть, и, бродя по ночам, вы уподобляетесь беспокойному духу, встающему из могилы. Да-да, – со смехом сказал он, глядя на меня, – именно так. Духи тоже могут набивать шишки.

То ли под воздействием его внушения, то ли от дурно проведенной предыдущей ночи, я действительно спал мертвецким сном и ни разу не проснулся. Так что с моей стороны задание было выполнено. Несколько человек из моей группы все же «уподобились духам», и в начале занятия мы выслушали их короткие рассказы о том, как они себя чувствовали в этой роли.

— Ну что ж, маг именно тем и отличается от обычного человека, что принимает на себя качества духа, или, попросту говоря, Силы, — заключил Кастанеда. — Впрочем, никаких преимуществ перед обычным человеком у мага нет. Кроме одного: маг может путешествовать по мирам и создавать особую реальность, которая отражает одну из мириад всевозможных реальностей. Нам об этом уже хорошо известно.

Я предлагаю вам задуматься над тем, каким именно образом маг может путешествовать по мирам. Все мы прекрасно знаем, что такое путешествие. Многим из вас, чтобы поступить в этот университет, пришлось предпринять длительное путешествие: из своего города в Нью-Хейвен или даже из своей страны в США. Отправляясь в путь, мы, как правило, знаем, куда едем; уезжая даже в незнакомое место, мы хотя бы предположительно намечаем маршрут нашего путешествия. Но все это касается только лишь нашего мира, который уже до нас исследован вдоль и поперек. Составлены карты, даны описания, что, впрочем, не гарантирует сохранения жизни и здоровья.

Когда вы отправляетесь к подножию действующего вулкана или решаете в одиночку пересечь океан, то знаете о том, что это путешествие может закончиться весьма печально. Маги же часто попадают в миры, которых никто никогда

не видел. В сравнении с их странствиями по неведомым мирам все эти восхождения в горы и одинокие плавания – не более чем увеселительные прогулки. Тем не менее люди в своих земных путешествиях гибнут гораздо чаще, чем маги – в своих. Почему же так происходит? Ведь человек знает, что на вулкане может начаться извержение, а в океане бывают штормы и бури, и, соответственно, готовится к подобным обстоятельствам – и все равно ему удастся выжить не всегда. А маг **действительно не знает, что его ждет в иной реальности**. У него нет никакой возможности как-то подготовиться, экипироваться, захватить спасательный круг. Конечно, ни один маг не предпринимает путешествия по мирам в одиночку. У него всегда есть наставник, помощник или союзник; хотя он и не всегда – человек.

Но дело не в помощнике. А в том, что маг знает, как устроены миры. Фокус заключается в том, что структура мира для мага всегда одна и та же. Вам будет понятнее, если я расскажу вам несколько космогонических мифов.

Ось мира

Согласно одному из них, высшее божество, после того как создало племя людей и основало нормы и обычаи его жизни, поставило в центре мира столб. По этому столбу божество поднялось на небо, где пребывает и сейчас. Этот столб – ось мира, так как пространство вокруг него стало обитаемым и,

собственно, миром.

У каждого племени, где бытует подобная легенда, есть такой столб. Он не является неподвижным: когда племя решает перейти на новые земли (что часто бывает во время смены сезонов), оно просто переносит этот столб в новое место. Это позволяет им всегда находиться в правильном мире, который не теряет связь с небом. Столб этот всегда ставит божество, вернее, шаман в костюме божества: но мы уже знаем, что обряд – это не театр, а отражение реальности.

Если столб по каким-то причинам ломается (а это могут быть только естественные причины – молния или ветер: столб является величайшей святыней племени и хорошо охраняется как от иноплеменников, так и от животных), то племя гибнет. Гибнет в буквальном смысле: оно либо рассеивается по другим племенам, либо умирает от голода: люди племени просто перестают есть, так как уверены, что их миру все равно пришел конец. Вот вам еще одно подтверждение существования других реальностей.

* * *

Вам наверняка сейчас вспомнился хрестоматийный случай, приключившийся с одним бразильским племенем (он описан в любом учебнике антропологии). По традиции, установленной еще Первопредком племени, деревня этого племени была устроена в виде круга, в центре которого нахо-

дился столб – ось мира. На расположении домов по сторонам света вокруг этой оси была построена вся социальная система, включая браки и кровное родство. Племя вело кочевой образ жизни, но на структуру поселения это никак не влияло: ось переносилась с места на место, вокруг нее строились хижины.

Это племя погибло в результате деятельности миссионеров. Из лучших (безусловно) побуждений миссионеры сломали столб и полностью изменили план деревни, построив для племени удобные и практичные дома и расположив их параллельными рядами – так, как расположены улицы в городе. Люди племени совершенно потерялись в новом для них мире. Они действительно погибли, хотя и не сразу; но и всю свою непродолжительную жизнь в деревне миссионеров они уже считали себя мертвыми. Более того: они считали мертвым и свое божество, создавшее привычную для них структуру вселенной. Был новый мир, новая вселенная и новое непонятное божество, о котором говорили им миссионеры.

Но дело в том, что люди племени не могли и не хотели жить в этой новой вселенной; они предпочли умереть вместе со старым миром. Можно было бы, как те самые миссионеры (ни на секунду не сомневаюсь, что они были прекрасными людьми), покачать головой и посокрушаться о том, как сильно люди цепляются за предрассудки. Но коль скоро мы пытаемся вступить на путь Знания, давайте сначала попро-

буем вникнуть в суть столь важного мифа, жизненно важно-го: ведь он определил жизнь и смерть племени.

Мир имеет ось, которую поставило в его центре божество, сотворившее мир. Значит, ось в центре какого-то пространства – это и есть мир. А что такое мир? Мир – это каждый из нас. Когда мы умираем, то умирает и мир, хотя и только для нас. Значит, в каждом из нас есть та точка, которая образует мир. Вернее, миры.

Дон Хуан называл ее «точкой сборки». Вы можете звать ее осью мира, или точкой мира. Шаман путешествует по мирам подобно тому, как племя путешествует по пространству. Он смещает точку мира, но сама она от него никуда не девается, поэтому в любом из миров маг чувствует себя в буквальном смысле как дома.

Открытие в себе этой точки равносильно сотворению мира. Именно – открытие, а не обнаружение. Обнаружить ее довольно трудно, потому что она не имеет четко фиксированного места. В идеале – не имеет. На самом деле у каждого из нас эти точки жестко закреплены. Как только человек, при

помощи социума, закрепляет тип своего восприятия мира и себя самого, его точка мира закрепляется на одном месте. Если она в течение жизни и сдвигается, то незначительно.

Например: в школе Яков учился в экономическом классе, оканчивает экономический факультет колледжа, и его дальнейшая деятельность будет связана с экономикой и финансами. Все годы его сознательной жизни точка мира Якова оставалась почти на одном и том же месте. Да, незначительно менялся статус: был школьником – стал студентом; затем он станет специалистом. Но на смещение точки мира это практически не повлияло. Вот если Яков после окончания колледжа станет хотя бы антропологом (ведь каким-то образом попал он на этот курс), его точка мира сместится далеко в сторону.

Мир – это система глоссов, это восприятие. В точке мира это восприятие сфокусировано, оно находится там в концентрированном виде.

Самое интересное, что, несмотря на нашу закрепленность в определенной системе (или даже системах) восприятия,

точка мира раз в сутки все же смещается. Почти у всех людей. Я говорю, конечно же, о сновидении. Ведь во сне мы путешествуем по самым разным местам; так вот, путешествуем, конечно, не мы (мы тихо-мирно спим в своей постели). Путешествует наше восприятие, наша точка мира. Правда, путешествия эти довольно бестолковы, потому что никто из обычных людей не умеет ни управлять сновидениями, ни двигать и фиксировать точку мира. Это под силу только магу. Поэтому маг и способен путешествовать по мирам, причем не во сне, а наяву.

Мой нагваль дон Хуан Матус утверждал, что наш материальный мир – не что иное, как сочетание множества энергетических полей. Люди знания называют их эманациями Орла. Человек – это сгусток энергии, это несколько полей, свернутых в кокон. Внутри кокона и расположена точка мира. Она является как бы рычагом управления, своеобразной ручкой настройки.

Пока мы взрослеем, наше окружение «крутит» эту ручку, настраивая наше восприятие в соответствии с общепринятыми нормами. Когда мы становимся взрослыми, мы то и дело «подкручиваем настройку», но не меняем восприятие, а только удерживаем эту ручку в определенном положении. Мы слишком захвачены проблемой соответствия себя своему собственному «идеальному» образу, и это мешает нам жить полной жизнью. Большинство людей полностью поглощены собой, люди в плену у себя, вернее, у построенных ими

самими образов себя.

Посмотрите, как современный человек занят проблемой собственной индивидуальности! Он невероятно эгоистичен, он настроил самому себе кучу золотых пьедесталов, и каждый шаг в сторону грозит ему падением. Это происходит не одну жизнь, это происходило веками. Мы изо всех сил стараемся удерживать свою точку мира в одном и том же положении. И вот почему нам, как людям того самого бразильского племени, кажется, что если нашу ручку настройки подкрутить так, чтобы наше восприятие изменилось, то мы погибнем.

Но ведь люди бразильского племени остались физически живы после того, как миссионеры переселили их в новую деревню! Однако их точка мира была слишком жестко закреплена. Поэтому смерть стала для них единственным исходом. Вернее, не только поэтому. Вы помните, что столб божества – ось мира – может устанавливать только само божество или же человек, замещающий божество, то есть шаман. Он же может и перемещать этот столб, и более никто.

Точно так же и точку мира может перемещать только создатель этого мира, то есть сам человек. Лишь в этом случае ему не грозит ни смерть, ни сумасшествие. Когда точка мира смещается без участия человека, ему это действительно может стоить жизни. Но уж с ума сойдет-то он обязательно.

Люди, которых мы называем душевнобольными, – это люди, у которых точка мира «плавает» сама по себе, без их во-

левого участия.

Людей знания часто принимают за ненормальных, но маг может сместить точку мира в любой момент, когда ему это будет нужно. У сумасшедшего эти смещения происходят произвольно, и это сильно его пугает. Впрочем, смещение точки мира может не только приблизить смерть, но и увеличить жизнь. Дон Хуан рассказывал мне историю человека, который прожил тысячу лет только благодаря тому, что умел воздействовать на свою точку мира. Правда, при этом ему время от времени требовалась подпитка энергией от других нагвалей. Впрочем, эта техника уже никому не известна; даже дон Хуан преподносил это скорее как легенду, нежели как что-то действительно случившееся.

Но что правда, так это то, что данная история послужила развитию техники обмена энергией между магами.

Впрочем, я сильно отклонился в сторону. Но **искусство магии в том и состоит, что человек научается управлять точкой мира по своей собственной воле**. Он может изменять ее положение в пространстве своих энергетических полей, свернутых коконом. В точке мира энергетические поля человека встречаются с энергетическими полями других людей и миров; это меняет восприятие реальности. Всего в человеческом коконе существует около тысячи разных точек, где может находиться точка мира, впрочем, я слышал мнение, что число этих точек не ограничено.

Знаете, откуда происходят все эти душевные метания,

человеческие драмы? Люди подсознательно чувствуют, что внутри них скрыто что-то важное, то, что могло бы раз и навсегда изменить их мир, даже не изменить – взорвать, открыть измерение без дна и границ, открыть ту Силу, которая и создала человека. Но в то же время люди боятся этой своей внутренней безграничности, им кажется, что если перед ними развернется эта бездна, то она сметет их личность. И правда, сметет, но эта бездна – вечно внутри нас, она притягивает. Человек мечется между желанием заглянуть в бездну и страхом увидеть ее. Лишь умение управлять точкой мира может избавить человека от этого страха. Более того, это умение и есть то, что может защитить драгоценную личность человека от безличности бездны.

Маневрирование поведением

Как же открыть в себе точку мира? Когда-то дон Хуан велел мне тщательно обмерить свое тело и определить место, где расположена его срединная точка – вверх, вниз и по диагоналям. Это не точка мира, это точка, где начинаются все энергетические поля. В моменты особой агрессии, когда речь идет о жизни и смерти, точка мира перемещается в этот энергетический центр. Поэтому один из способов обнаружения точки мира – это какая-то экстремальная ситуация, битва, в которой мы вынуждены сражаться за собственную жизнь. Но только – за собственную; когда мы деремся

на стороне кого-то, точка мира находится совсем в другой стороне. Другой способ заключается в том, чтобы менять социальные роли. Но менять их не так, как меняет роли актер, а идти по пути до самого конца. Это называется маневрирование поведением.

Я знаю девушку, которую в период обучения нагваль заставил на год стать нищенкой. В буквальном смысле: она должна была жить подаянием. У нее не было никакого тыла: чтобы войти в роль нищенки, она должна была ею стать, то есть потерять все свое имущество и не иметь никаких других средств к существованию. В нашем мире это довольно сложно (общество терпеть не может, когда человек с четко зафиксированным социальным статусом вдруг так «падает»), но ей это все же удалось. В течение года она сидела на церковной паперти и просила милостыню. Она жила на то, что ей бросали в кружку. Это были все ее деньги. Иногда она оставалась голодной, часто ей приходилось спать прямо на улице. Она испытала все те лишения, которые испытывают нищие. В течение этого года она переболела несколькими инфекционными заболеваниями, при этом у нее не было денег на докторов и лекарства, и ей пришлось выздоравливать самой, как приходится выздоравливать нищим.

Она прошла через жесткий урок, но это был единственный способ заставить ее точку мира сместиться в сторону. Эта же девушка потом целый год жила в племени людей, которые строят свои дома на деревьях. Она тоже построила се-

бе дом на дереве, участвовала в жизни племени и добывала себе пищу способом, принятым у этих людей.

Подобный опыт был и у меня: двенадцать месяцев я работал поваром в придорожном кафе, где обедали водители грузовиков. Я был очень хорошим поваром: уже через несколько недель хозяин кафе поставил меня «начальником» над всем штатом поваров и официанток. Я даже мог увольнять или принимать работников. Этот опыт был для меня бесценным; я до сих пор с теплом вспоминаю тот период. Я многое узнал о мире, но в первую очередь я много узнал о себе. Знаете, когда я познакомился с доном Хуаном, у меня было огромное сомнение, но не было ни капли самоуважения. Мне было просто не за что уважать себя, я это знал и потому часто раздражался.

Работая поваром-начальником официанток, я стал уважать себя – при этом у меня не оставалось ни капли сомнения. Ну, почти ни капли. Это был очень важный сдвиг в моем сознании: мне с детства казалось, что сомнение, самоуважение, эгоизм и вообще все, что человек думает о самом себе, суть явления одного порядка. И вдруг выяснилось, что это не так, что можно не считать себя кем-то значительным, но при этом что-то действительно значить и, что самое главное, уважать себя.

Есть люди, которые подсознательно используют эту технику маневрирования. Они все время что-то меняют в своей жизни, получают несколько разных образований и в резуль-

тате работают совсем по другой специальности, постоянно меняют место работы, место жительства, примеряют разные социальные роли. Что это? С одной стороны, это, конечно, поиск своей собственной точки мира и попытка научиться ею управлять. С другой стороны, сама точка мира управляет ими, то есть она настолько подвижна, что человеку просто не усидеть в какой-то одной жестко зафиксированной роли, он должен все время меняться.

В обществах с магическим сознанием, где все еще бытует шаманизм и магия, маневрирование поведением встречается довольно часто.

У индейцев Северной Америки такое маневрирование заключено в рамки особого ритуала. Когда наступает зима – период для индейцев священный (считается, что зимой духи возвращаются на землю и живут среди людей), мужчины меняют свои имена. Они так и называются – священные зимние имена. Это очень интересное время, потому что зимой индейцы вспоминают все свои мифы, и не просто вспоминают – они проигрывают их. Это выражается в виде танцев и

пантомим, в которых участвует не все племя, а только мужчины. Остальные люди племени в это время наблюдают за ними; однако они не простые зрители, они – свидетели событий с участием божеств. В мужчин на это время вселяются божества, и мифологические события воспроизводятся на земле вновь. Это потрясающий ритуал. Он разработан с такими подробностями, что у человека знания не остается сомнений в том, что североамериканские индейцы владеют умением управлять точкой мира.

Мы с вами на прошлых занятиях тоже практиковали маневрирование поведением.

– Когда изображали мертвых и хоронили Консуэло? – догадался я.

– Да. И детские игры, и любой инициационный обряд заставляют человека менять обычные нормы поведения, а значит, смещает его точку мира. Теперь, надеюсь, вам ясно, какое влияние оказывают на ребенка игры, в которые он играл в детстве. Самый несчастный из людей – тот, чье детство прошло вовсе без игр.

Для абсолютного порабощения людей не

нужно ни оружия, ни каких-то особых репрессий. Достаточно вырастить поколение, которое не играло в детстве ни в какие игры.

Конечно, есть одаренные дети, которым не скучно наедине с самими собой: их фантазия может унести их куда угодно, но таких единицы. К тому же они наверняка вырастут аутистами и не будут представлять ровно никакой угрозы для тирании. Это подтверждается тем фактом, что при дворах самых кровавых властителей во все времена были гениальные художники и ученые. Напрасно потомки обвиняют их в беспринципности и продажности: почти все они были аутичными людьми, которые жили в мире своего искусства или науки. Им дела не было до ужасов того материально-временного пространства, в котором жили их современники. Так что, как видите, **мир – это действительно только система восприятий.**

На первый взгляд кажется, что маневрирование поведением – очень легкий способ открыть в себе точку мира. На самом деле это не так. Смена ролей требует огромного напряжения сил. В одиночку человеку с этой задачей не справиться. Ему нужен наставник, который будет вести его и помогать ему восстанавливаться. Если кто-то из вас надумает попробовать этот способ, то очень быстро убедится в том, насколько это трудно. Если же он будет настаивать, то может заболеть или даже умереть.

Мы настолько привыкли фиксировать свою точку мира, что любые попытки сдвинуть ее в сторону будут жестко пресечены нашим социализированным сознанием. И все же я предлагаю вам попробовать эту практику в те оставшиеся пять дней, пока будет длиться наш семинар. Вам нужно попробовать себя в новой роли. Это должна быть очень простая и, по возможности, разовая роль. Девушки, если кто-то из вас умеет хорошо делать маникюр – предложите в парикмахерской свои услуги. Скажите, что вы можете работать по утрам в течение пяти дней. Вы можете также разносить почту, мыть посуду в кафе, мести улицу или помогать разгружать грузовики. Как видите, в этом нет абсолютно ничего сложного. Это не потребует от вас какой-то кардинальной смены деятельности. Многие студенты подрабатывают таким образом. Однако этот опыт многому вас научит. Надеюсь, что уже завтра у вас будет материал для разбора.

День шестой. Извлечение событий

По возвращении домой я рассказал Теду, в чем заключается задание пятого дня.

– Ума не приложу, что бы мне такое подыскать, – посетовал я. – Мне приходилось подрабатывать у отца на бирже, но это, по сути, то, чем я занимался всю свою сознательную жизнь, и то, чем я буду заниматься после колледжа. Мне никогда в голову не приходило устраиваться дворником или грузчиком; я даже не знаю, как это делается. А весь смысл в том, что надо найти не просто подработку, а такое занятие, которое бы в корне отличалось от моего привычного образа действий.

– А тебе и искать ничего не надо, – радостно объявил Тед. – Помнишь, я рассказывал тебе про Делию?

– Это... художница? – стал припоминать я.

– Ну! Так вот: она намерена в этом году поступать на факультет искусств, но ей для портфолио нужно сделать несколько рисунков обнаженной натуры. Она спрашивала

меня, не могу ли я посоветовать ей натурщика. Работка как раз для тебя, и именно что разовая! Пяти дней ей будет вполне достаточно, чтобы обрисовать тебя в любых видах.

У меня челюсть отвисла. Никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах я бы не согласился светить телесами за деньги, да еще перед девицей! Для меня это было нечто вроде проституции. Я уже хотел выплеснуть на Ловенталья все мое возмущение, но что-то толкнуло меня изнутри. Через мгновение я понял: ведь это и есть та самая кардинальная смена деятельности, которая наверняка столкнет с места мою точку мира!

– Надеюсь, она симпатичная? – ответил я. – Давай телефон.

Так и получилось, что на следующий день без пяти минут девять я уже звонил в дверь ее студии.

Когда Кастанеда говорил о том, что смена социальной деятельности – занятие трудоемкое, я не придавал этому особого значения. Тысячи людей то и дело меняют одну работу на другую, и, тем не менее, катастрофы не происходит. Но после трех часов позирования я чувствовал себя как выжатый лимон. Кроме того, что это было физически тяжело, я очень сильно устал морально. У меня был опыт близкого общения с девушками (вы понимаете, о чем я), на мое тело часто смотрели оценивающе; но чтобы так – и оценивающе, и бесстрастно одновременно, – такого никогда не было. Конечно, я пришел к Делии не для того, чтобы вступать с ней в

какую-то близкую связь, но я был просто потрясен тем, как она на меня смотрит. Ее абсолютно не интересовало мое тело как тело мужчины или даже – человека. Я был в буквальном смысле предметом, мебелью. Это была смена не только социальной роли, но и роли... человеческой. Еще никто никогда не превращал меня в предмет. Моя точка мира не просто сместилась – она опустилась так низко, что ниже в этот момент могла быть только моя самооценка.

– Ты предпринял довольно рискованный шаг, – сказал Кастанеда, выслушав меня. – Я же говорил: нужно найти что-нибудь предельно простое, чтобы не вызвать резкого смещения точки мира. Такой опыт может дорого стоить тебе в будущем. Не думай, что это пройдет для тебя бесследно. Впрочем, если уж ты начал позировать, то позируй до конца: не можем же мы допустить, чтобы прекрасная девушка осталась без портфолио! – И он рассмеялся.

Но я и без его слов понял, что совершил ошибку. Мы еще не начали заниматься, а я уже чувствовал себя абсолютно обессиленным. Поэтому я обрадовался, когда Карлос сказал, что для начала мы позанимаемся дыханием телом. Это означало, что мы будем лежать и расслабляться. На это уйдет не менее часа, и я смогу поспать. Если Кастанеда и заметит это, то вряд ли будет рассержен: он ведь сам предупреждал о том, что маневрирование поведением отнимает слишком много сил.

Но поспать мне не удалось. Когда мы под голос Кастане-

ды начали расслаблять мышцы и отделы тела, мою усталость как рукой сняло. Я полагаю, что Карлос каким-то образом восстановил мою выжатую энергетику. Примерно через час доктор дал нам знак прекратить практику. Однако он велел нам оставаться на полу в том же самом положении.

Перепросмотр

– Сегодня мы займемся довольно серьезной магической практикой, которая, с одной стороны, поможет вам в обнаружении точки мира, а с другой – кое-что расскажет вам о самих себе. Эта практика называется перепросмотром. Перепросмотр – это извлечение событий прошлой жизни из темного ящика вашего подсознания. Предупреждаю вас сразу: это – ящик Пандоры, и из него могут выйти такие вещи, которые в буквальном смысле сделают вас больными. **Эту практику ни в коем случае нельзя повторять в одиночку, потому что последствия ее могут быть ужасающе разрушительными.**

Не думайте, что речь идет о простом ностальгировании по прошлому. Это не имеет никакого отношения к воспоминаниям. Память человека устроена таким образом, что в ней сохраняются только те события, которые могут быть восприняты сознанием адекватно. Человек ежедневно совершает массу поступков, которые, если присмотреться к ним внимательно, абсолютно неприемлемы с точки зрения какой бы

то ни было нормы. Но эти поступки проходят мимо нашего восприятия, а следовательно, их «не существует». Перепросмотр предполагает отстраненное извлечение событий, то есть вы будете просто наблюдать за собой таким, каким вы являетесь на самом деле, за всеми своими неприглядными действиями и поступками, но наблюдать так, как это делают камеры наружного наблюдения. Просто смена событий на экране. При отстраненном наблюдении на поверхность всплывают порой такие вещи, что человек может запросто сойти с ума.

Закавыка в том, что это – не просто воспоминания. Это воссоздание реальности событий, это создание такого внутреннего пространства, которое на самом деле начинает жить, и в нем действительно начинают происходить все давно прошедшие события. Перепросмотр напрямую подводит вас к тайнам времени: эта техника может реально изменить прошлое, а значит, и настоящее, и будущее. Извлечение событий – весьма разрушительная практика, и в свое время магам она стоила очень дорого. Если я скажу вам, что из-за нее древняя магическая традиция была уничтожена почти целиком, вы поймете, что я имею в виду.

Уже несколько столетий извлечение событий называют перепросмотром, потому что человек просматривает их про себя. До этого техника называлась пересказыванием, и суть заключалась в том, что ученик пересказывал все это магу.

Так вот: извлеченные события, облеченные в форму сло-

ва и имеющие энергию слова, превратились в Силу, которая смела самих магов и трагически повлияла на жизнь всех людей этого полушария. Как вы теперь понимаете, эта практика подобна мощному оружию. Тем не менее тому, кто хочет хоть как-то прикоснуться к Знанию, без нее не обойтись. Дело в том, что Знание – огромно. Даже частицу его человек не сможет воспринять, если в его сознании не будет достаточно пространства. Перепросмотр и формирует это пространство. Да, там происходят события прошлого, но они проходят, а пространство остается на всю жизнь. Это великолепный способ для расширения сознания и обретения внутренней свободы. История знает немало примеров, когда узники одиночных камер, обреченные на долгое заключение, открывали для себя этот метод и добивались удивительных результатов. Они выходили из тюрьмы (если вообще выходили) абсолютно другими людьми. Но и те, кто кончал свои дни в камере-одиночке, ни на секунду не чувствовали себя пленниками. Они владели целым миром, и всё благодаря отстраненному извлечению событий.

Перепросмотр представляет собой изучение

собственной жизни, тщательно, день за днем, час за часом. Нельзя давать оценки, нельзя смущаться или пугаться: нужно только смотреть, как вы смотрите фильм. Только фильм вашей жизни вы должны смотреть очень внимательно, не упуская из виду ни одной мельчайшей детали.

Мы недаром сегодня начали с дыхательной практики. Дело в том, что извлечение событий напрямую связано с дыханием. Маги, правда, совершают перепросмотр, делая определенные движения головой и телом; вам же надо будет выполнить эту технику недвижно, в той самой позе, в которой вы находитесь сейчас. Конечно, наша практика не будет в полной мере магической: я один не смогу страховать всю группу. Я лишь расскажу вам, как это делают маги; наша практика будет облегченным вариантом перепросмотра.

Извлечение событий начинается с сегодняшнего дня, с текущего часа и проигрывается в обратном направлении. Более свежие впечатления легче извлечь на поверхность, а за ними, как по цепочке, потянутся и другие. Маги начинают с лиц тех людей, которых они повстречали в течение этого дня, затем – лица вчерашнего дня, позавчерашнего и так далее, все глубже в прошлое, до самого раннего детства, до самых ранних воспоминаний о первом взгляде на лицо матери. За лицами тянутся имена и события. Каждое событие нужно воссоздать в памяти и мысленно его проиграть. Когда это

происходит, маг делает движение головой справа налево; при этом он определенным образом дышит. С дыханием сдуваются и исчезают навсегда образы и события. Особенно драматические события маг может переиграть, изменяя, таким образом, прошлое.

Самое интересное то, что прошлое действительно изменяется: другие участники тех же самых событий после перепросмотра помнят это событие в измененном виде. Соответственно, меняется их восприятие. А смена восприятия – это создание нового мира. Я так запросто рассказываю вам о том, как это должно быть, потому что знаю: никто не сможет сделать это самостоятельно, без руководства опытного мага. Для перепросмотра нужен очень тренированный ум и великолепно развитое тело. Впрочем, кое-что сделать вы можете – это создать список людей, которых вы встречали в собственной жизни. Запишите их имена в особую тетрадь. Время от времени доставайте эту тетрадь и попытайтесь вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с тем или иным человеком. Вспоминайте все до мелочей, до тех мелочей, которые вы сможете вспомнить. Это потрясающий опыт, он очень много вам даст. Единственное, что я вам посоветую, это разделить список на две части: в одном месте записывайте живых, в другом – тех, кто уже умер. Это связано с тем, что для умерших уже ничего не изменится, а вот в отношениях с живыми вы сможете изменить очень многое. Списки составляйте от настоящего дня в прошлое.

Практику, которой вы займетесь сегодня, я бы назвал даже не перепросмотром, а перепрослушиванием. Я бы хотел, чтобы вы вспомнили музыку, которую слышали сегодня, вчера, позавчера и так далее. Если вы не слышали сегодня никакой музыки – ничего страшного, вспомните ту, что слышали вчера. Не слышали вчера – загляните в позавчера, вернитесь на неделю, месяц назад. Если музыка у вас не будет связываться ни с одним конкретным днем, просто вспомните первую мелодию, которая придет на ум. Эта мелодия свяжет вас с обстоятельствами и временем. Вот от этого времени и начинайте обратный отсчет. Может случиться так, что вы застопоритесь на какой-то мелодии, на каком-то дне, и у вас никак не будет получаться вспомнить музыку, слышанную ранее. Не сердитесь на себя и не расстраивайтесь. Это означает, что именно в этот день случилось какое-то важное событие, которое повлияло на всю вашу последующую жизнь.

Постарайтесь вспомнить это событие и воспроизвести его перед собой. Музыка при этом начнет звучать почти явно. Когда будете воспроизводить это событие, следите за дыханием. Вдыхать нужно макушкой головы, а выдыхать стопами, чтобы это событие, пройдя через вас, навсегда ушло и больше не возвращалось. Главное – посмотрите, как это со-

бытие связано с вашей дальнейшей жизнью. Если подсознание обращает на него ваше внимание, значит, вы до сих пор не сделали выводов, которые должны были сделать. Прежде всего, практических выводов. Ведь каждая ситуация ставит нас перед выбором; вполне возможно, что в тот самый момент, когда происходило это событие, вы сделали неправильный выбор. А быть может, до сих пор не определились с ним. Определяйтесь и выбирайте, только постарайтесь понять, как повлияет этот выбор на вашу будущую судьбу.

Немного о дыхании. Оно должно быть естественным. Не дышите слишком глубоко или слишком быстро, иначе эта практика скоро утомит вас. Признаком правильно проведенной практики будет состояние облегчения или радости, возможно, даже эйфории. Настроение должно взмыть вверх, подобно воздушному шару, с которого сбросили весь балласт. Итак, если ни у кого не возникло вопросов, приступим к практике.

Он умолк.

* * *

Честно говоря, я надеялся, что Кастанеда введет нас в какое-нибудь гипнотическое состояние, так что память начнет сама извлекать звуки музыки, услышанной сегодня и далее, назад во времени. Но он просто уселся в углу, предоставив нас самим себе.

«Вот возьму и не буду ничего извлекать», – злорадно подумал я. Но как только эта мысль появилась, я вдруг вспомнил. Конечно, я слышал сегодня музыку! В студии у Делии. Она поставила сборник популярных классических мелодий в исполнении саксофона. Их было там довольно много, но в голове у меня почему-то крутилась только «Casta Diva». Я мысленно «проиграл» ее от начала до конца, очень подробно, во всех нюансах, и решил, что для сегодняшнего дня достаточно. Я стал вспоминать музыку, которая звучала вчера. То, что музыка была, я знал наверняка: когда я пришел, Тед как раз смотрел MTV. Но кого показывали и что он при этом пел или играл, я никак не мог вспомнить. Ну совершенно никак, хоть убей! Между тем, в голове все крутилась и крутилась «Casta Diva». Я понял, что с этой мелодией связано что-то важное. И я стал вспоминать обстоятельства, при которых я сегодня слышал эту музыку.

Мое тело сразу же отозвалось мгновенным напряжением: действительно, в тот момент у меня затекли ноги, и Делия позволила мне минут пять отдохнуть и размяться. Я стал вспоминать эту свою разминку – в течение этих пяти минут как раз и звучала эта самая мелодия. Я сошел с подиума, встал у окна, спиной к Делии, и стал разминать затекшие мышцы. В это время ее не было в комнате: она вышла то ли поговорить по телефону, то ли подточить карандаши. Когда я обернулся, Делия как раз входила. Наши взгляды пересеклись...

Тут меня будто ударило током. Вот оно: этот взгляд! Лицо Делии застыло передо мной, и я вдруг понял, что это — лицо самого важного, самого дорогого и самого близкого человека в моей жизни. Я знал, что женюсь на этой девушке. И вдруг до меня дошло, что она это тоже знала. Она поняла это в тот самый миг, когда наши глаза встретились. Невероятно! Но Кастанеда оказался прав: мое «маневрирование поведением» на самом деле не пройдет для меня бесследно!

Подумать только: если бы не этот семинар, я бы никогда в жизни не стал позировать в обнаженном виде. Даже если бы Тед и сказал мне о том, что Делии требуется натурщик, я бы пропустил эти слова мимо ушей, только и всего. Меня охватила эйфория. Я просто не мог сдерживаться: душа моя пела. Я открыл глаза и уселся на полу. Кастанеда с улыбкой смотрел на меня. Я хотел сказать ему, что все получилось просто здорово, но он прижал палец к губам, а затем указал на остальных: они еще лежали с закрытыми глазами и старательно слушали — каждый свою — музыку прошлого. Тогда я сжал ладони в кулаки и поднял оба больших пальца вверх. Кастанеда улыбнулся еще шире.

Так для меня закончился шестой день семинара.

День седьмой. Страх – союзник

На занятие седьмого дня я шел окрыленный: до этого я снова был у Делии, и, хотя решающего разговора не получилось, все же на этот раз она смотрела на меня уже не так бесстрастно.

Начали мы, как и во все предыдущие дни, с рассказов о том, как прошла наша домашняя практика. Так как нам было задано до конца семинара обживать в той новой социальной роли, которую мы для себя выбрали, никто не рассказал ничего особо нового.

Только я мог похвастать тем, что техника маневрирования действительно сместила мою точку мира и даже повлияла на судьбу, но я не хотел никого посвящать в свою личную жизнь. Кастанеда это понял и не стал меня расспрашивать подробно. Он лишь отметил, что моя точка мира расположилась на уровне сердца, и добавил, что это – лучшее ее расположение, ибо «когда мы видим мир глазами любви, он открывает нам свои лучшие стороны».

– Сегодня мы с вами продолжим исследовать темные закоулки подсознания, – заговорил он, когда был выслушан последний рассказ о домашней практике, – где живут многие сущности, из которых состоит наша личность. На этот раз мы вытащим на белый свет такую неприятную нам сущность, как страх. Подчеркиваю: страх – это именно сущность, а не эмоция. Эмоции приходят извне; страх же всегда является изнутри, потому что страх – это часть личности каждого человека.

Никто не любит страх. Не любит умом, потому что все негативные ассоциации, связанные со страхом, навязаны нам нашей социализацией. Однако тело, как ни странно, любит бояться. Я знаю точно, что моему телу нравится страх. И это совершенно неслучайно. Дело в том, что страх – очень сильная сущность, а тело, которое всегда тянется к Силе (ведь Сила – источник жизни), прямо-таки мечтает о том, чтобы сделать страх своим союзником.

Чтобы вы поняли, что я имею в виду, мы с вами снова обратимся к магическим инициационным обрядам. В одном из африканских племен во время праздника посвящения юношам-неофитам шаман незаметно подливает в питье рвотное средство. Когда их начинает рвать, вызывают, естественно, шамана (он же и лекарь), и тот объявляет больному, что бо-

лезнь его смертельна и не может быть излечена. Но это еще не все: больной опасен для окружающих и ему нужно как можно быстрее покинуть селение, чтобы не заразить все племя. Таких «больных» изгоняют из племени. Шаман отводит их далеко в джунгли, где они живут в особой хижине. В этой хижине неофиты обнаруживают множество муравейников и среди них – россыпи человеческих костей.

Шаман объясняет, что всех смертельно больных отправляют сюда, а когда они умирают, муравьи объедают их тела до костей. Покидать хижину нельзя, потому что эту болезнь наслал на них дух смерти, который требует себе жертвы. Если они уйдут из хижины, то дух смерти обозлится и погубит всю деревню. Он и так очень разозлен, и поэтому шаману нужно будет три дня и три ночи приносить умиловительную жертву, чтобы болезнь не тронула остальных соплеменников. В ожидании смерти неофиты проводят три или четыре дня (а порой и больше). При этом они даже не подозревают, что на самом деле здоровы, а все происходящее с ними – ритуал посвящения.

Можете представить себе, что испытывают юноши, голодные, напуганные, в окружении мертвых костей и громадных муравейников. Они остаются один на один со своим страхом. Чтобы им было еще страшнее, шаман и его помощники тайно ночью прокрадываются к хижине и в облике духов смерти заглядывают в окна хижины. Этот страшный ритуал переживают не все. В ходе его случаются и настоящие смер-

ти. По истечении определенного срока (это решает шаман) шаман приходит в хижину и сообщает, что дух смерти принял умиловительную жертву и остался доволен настолько, что согласился оставить этих юношей в живых.

– Отныне дух болезни уходит от вас, – патетически возглашает шаман, потрясая своим жезлом, – выйдите из дома смерти и возвратитесь в дом жизни.

Как вы видите, схема этого обряда проста: неофит должен пройти через смерть, чтобы воскреснуть уже в качестве посвященного. Но я бы хотел заострить ваше внимание на том моменте, что, хотя **болезнь и инсценирована, но юношей заставляют переживать подлинный страх перед ужасной смертью**. Когда же шаман сообщает им, что они не умрут, они чувствуют такое облегчение, что силы их возрастают многократно. Но страх задействован здесь не случайно. Ведь эти юноши после свершения ритуала становятся не просто посвященными, они становятся воинами.

Страх – одна из величайших сил в жизни воинов, потому что он заставляет их учиться.

Подтверждением тому является еще один инициационный обряд, принятый у одного южноамериканского племени. Это так называемый обряд возмужания. Ничего не подозревающих мальчиков поодиночке отправляют за тростником или за хворостом. На пути перед ними встает длинный ров с водой (естественного происхождения или вырытый специально для таких обрядов). Мальчик соображает, как можно переправиться на ту сторону, и тут взгляд его падает на бревно, «случайно» оказавшееся неподалеку. Он берет это бревно, устраивает мосток, а когда начинает переходить его, из воды внезапно появляются четыре водяных духа, которые хватают неофита и утаскивают его под воду.

Эти духи – шаман и его помощники: они, спрятавшись в воде и дыша с помощью соломинки, поджидали неофита. Если неофит начинает отбиваться, «духи» отпускают его, и он, перебравшись на ту сторону рва, должен продолжать свой путь. Быть может, он бы и хотел вернуться в деревню, но дело в том, что его посылают с наказом – не возвращаться без хвороста или тростника, мотивируя это либо опасной болезнью одного из членов семейства, либо ритуальным запретом. Во всяком случае, вернуться он не может. (Да: если неофит, падая в воду, теряет сознание, шаман с помощниками относят его назад в деревню; он считается не прошедшим испытание, а значит, не готовым к возмужанию; следующий ритуал ждет его через год.)

Набрав хвороста или тростника, неофит раздумывает, как

же ему вернуться домой: ведь дорога одна и снова нужно переходить через ров. Подходя ко рву, он слышит крики, звуки борьбы и с ужасом видит, как из воды вылезает окровавленный человек. Это один из помощников шамана, обрызганный козьей кровью. Он сообщает неофиту, что его послали за ним, что ему нужно как можно быстрее возвращаться в деревню. Но для этого снова надо перейти через мосток... Если мальчик решается вступить на бревно, то ему дают благополучно перейти ров и вернуться в свою деревню. Если же он, бросив хвост, спасается бегством, шаман и его помощники догоняют его и избивают до полусмерти.

Как вы видите, все это – в буквальном смысле страшные обряды. Главное состояние, через которое проходит неофит, – страх. Когда я был просто студентом-антропологом, я думал, что у «примитивных» народов (как тогда мне казалось, да и как было принято тогда говорить) нарочно культивируется жестокость по отношению к молодежи, чтобы она была более агрессивной, а значит, более воинственной. Но впоследствии, когда дон Хуан стал моим нагвалем и начал проводить меня через подобного рода «инициации», я понял, что за этим скрывается нечто другое. Надо сказать, что он заставлял меня испытывать страх постоянно. Он нарочно создавал какие-то драматические обстоятельства, при которых сообщал мне страшные вещи. А затем оставлял одного.

На меня нападал такой страх, что я физически его чувствовал. Нельзя описать словами, что я переживал в такие

моменты. Затем, будто ниоткуда, появлялся дон Хуан и говорил, что мне, если я хочу остаться в живых, нужно сохранять спокойствие и безмятежность. Легко ему было это говорить! С одной стороны, я боялся всех этих непонятных угрожающих явлений, о которых мне только что рассказал нагваль, а с другой – я боялся смерти, я боялся умереть от того, что боюсь. Во мне боролись два страха. Наконец страх смерти побеждал, и я буквально заставлял себя стать спокойным. Как только мне это удавалось, вновь появлялся дон Хуан и, как ни в чем не бывало, начинал шутить, смеяться надо мной и вообще вести себя так, будто мы просто вышли прогуляться.

Истинная природа страха

Но однажды, когда я уже кое-что мог и обладал видением, со мной произошел случай, который помог мне понять истинную природу страха. Я приехал к дону Хуану в его дом в Соноре. Он не постоянно жил там: это было место его уединения, он возвращался туда всякий раз, когда ему нужно было восстановить силы. Мы сидели в комнате и разговаривали, и вдруг я заметил силуэт человека, который то ли прятался, то ли просто ходил в темноте внутри дома. Я знал, что, кроме дона Хенаро, сюда прийти никто не может, и спросил нагваля: разве дон Хенаро тоже приехал? Дон Хуан ответил, что в доме мы одни, а тот темный силуэт не принадлежит человеку.

– Это мой союзник, – объяснил мне дон Хуан. – Он сторожит дом.

И в этот миг нагваль сделал такое странное движение, будто на него кто-то нападает, а он пытается отмахнуться. Через мгновение в комнату ворвалась темная фигура самого устрашающего вида. Прежде чем я понял, что это и есть сторож дома, меня обуял безумный страх. Сторож набросился на меня и стал душить. Я хотел позвать на помощь дон Хуана, но от страха потерял дар речи. Я кидал на нагваля умоляющие взгляды, но он только молча улыбался. Сторож тем временем попытался завалить меня на пол. Тогда дон Хуан подошел ко мне и сказал: «Бойся, но не до ужаса». Он и до этого часто говорил мне: «Бойся, но не до ужаса». Я никак не мог понять его: для меня страх и ужас были синонимами. Теперь же мне просто необходимо было узнать, что он имеет в виду, иначе сторож меня задушил бы до смерти. И я стал бояться. Намеренно, как и велел дон Хуан. Я просто отдался потоку страха и вдруг почувствовал, что оцепенение мое прошло.

Борьба закончилась тем, что сторож отпустил меня. Именно тогда я и осознал, что страх и ужас – два разных состояния.

**Страх – состояние Силы, состояние действия.
Если мы сделаем его своим союзником, то вся эта
колоссальная Сила, которая заключена в страхе,
перейдет к нам.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.